

Иван Оченков

# СТРЕЛОК ПУТЬ В ТЕРРОР



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Иван ОЧЕНКОВ

# **Стрелок. Путь в террор**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

**Оченков И. В.**

Стрелок. Путь в террор / И. В. Оченков — «Издательство АСТ»,  
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-122498-1

Оттремели и сражения русско-турецкой войны. Дмитрий Будищев демобилизовался из армии и мечтает о мирной жизни. Но вокруг него каждодневные реалии девятнадцатого века, когда одним можно всё, а другим ничего. Когда представители «высшего света» любого человека из простонародья могут унижить, обобрать, даже покалечить просто так, ради забавы. И что делать в этой ситуации человеку, привыкшему смотреть на проблемы сквозь прорезь прицела? Идти к народникам или заниматься своими делами?

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122498-1

© Оченков И. В., 2020  
© Издательство АСТ, 2020

## Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	54
-----------------------------------	----



## Иван Валерьевич Оченков

### Стрелок. Путь в террор

© Иван Оченков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Худая лошаденка с трудом тащила пролетку по булыжной мостовой, отчаянно цокая подковами. Возница – такой же худой и неказистый, как запряженный в его экипаж одр, постоянно понукал ее, но, видимо, больше по привычке, чем всерьез надеясь разогнать несчастное животное. Впрочем, его нынешние клиенты были людьми неприятными, и слишком уж стараться не стоило. Добравшись до места, извозчик натянул вожжи и сиплым голосом крикнул:

– Тпру, проклятая!

При этом он искоса поглядывал через плечо, следя за седоками, чтобы те не улизнули, не расплатившись, как иной раз случалось. Однако на этот раз все обошлось.

– Прими, любезный, – протянул ему гривенник самый представительный из клиентов – по виду студент.

– Накинуть бы, барин, – по привычке заканючил возница, сняв одновременно с головы мятый цилиндр.

Но седоки, не обращая на него внимания, покинули выдавший виды экипаж и дружно двинулись в ближайший двор. В воротах на них подозрительно посмотрел дворник, но тут, как на грех, лошадь, с таким трудом доведшая экипаж до места, навалила на мостовую целую кучу пахучих конских яблок. И местному привратнику пришлось, оставив метлу, браться за лопату.

Пока служитель был занят уборкой, молодые люди прошли двор насквозь и, зайдя в ближайший подъезд, поднялись на второй этаж. Студент с важным видом постучал в обитую зеленым коленкором дверь с надписью на табличке «Госпожа Бергъ, модистка», выбив при этом замысловатую дробь. За дверью немедленно раздались шаги, щелкнул засов, и на пороге появилась миловидная барышня.

– Здравствуйте, Григорий, – с улыбкой поприветствовала она студента. – Вы нынче с друзьями?

– Добрый день, Гедвига Генриховна, – изобразил легкий поклон тот. – Как и уговаривались.

– Ну, что же мы стоим, проходите, пожалуйста.

Молодые люди вошли и проследовали за радушной хозяйкой в гостиную, обставленную просто, но не без изящества.

– Позвольте представить вам моих спутников, – начал Григорий. – Это Максим.

Рослый детина, одетый как мастеровой, стащил с головы картуз и неуклюже поклонился.

– А это – наш Аркаша, – продолжил студент и подтолкнул вперед совсем уж молодого человека, скорее даже мальчика, в гимназическом мундире. – Я вам о нем рассказывал.

– Рада вас видеть, господа, – просто ответила девушка и протянула новым знакомым руку.

Те по очереди пожали ее, причем гимназист при этом ужасно покраснел. Видимо, ему не часто удавалось коснуться особы противоположного пола. Закончив с процедурой знакомства, молодые люди стали рассаживаться за столом, но не успели они расположиться, как дверь распахнулась, и в комнату вошли еще два человека. Первым был довольно представительный господин, которого можно было принять за преуспевающего адвоката или врача, а второй была молодая женщина с решительным выражением на лице.

Все встали, приветствуя их, причем студент поздоровался с ними как старый знакомый, а остальным они представились:

– Меня зовут Ипполит Сергеевич, а это Искра! – сказал адвокат, пожимая новым товарищам руки.

- Как вы сказали? – конфузливо переспросил Аркаша. – Искра?
- Не всем нужно знать наши настоящие имена, – спокойно ответила ему женщина, вперив в молодого человека испытующий взгляд.
- Конечно... я понимаю... извините, – пробормотал еще больше смутившийся гимназист.
- Какие новости? – спросил Григорий.
- Увы, ничего сколько-нибудь обнадеживающего я вам не скажу, – пожал плечами Ипполит. – Тирания торжествует, и борца за народное счастье ожидает виселица!<sup>1</sup>
- Сволочи! – глухо пробормотал Максим и сжал пудовые кулаки.
- Хуже другое, – нервно заявила Искра. – Жертва эта будет напрасна! Все зря!
- Почему вы так говорите? – возмутился студент. – Пусть покушение не удалось, но наш товарищ показал пример бесстрашия и...
- И промахнулся!
- Попасть с двадцати шагов – не такое простое дело!
- А что мешало ему подойти ближе и выстрелить в упор? Я же говорила, что дело надо поручить мне!
- Не горячитесь, товарищи, – остановил перепалку адвокат. – Криком мы ничего не добьемся. Хотя Искра права. Если бы нашелся решительный и хладнокровный человек, сумевший подойти достаточно близко...
- Нужно еще, чтобы он умел стрелять! – негромко заметила Гедвига.
- Что вы имеете в виду?
- Ничего, – пожал плечами барышня. – Просто для всякого дела нужен навык, и стрельба в этом смысле ничем не отличается от адвокатуры или любого другого занятия. Вам нужно просто найти такого человека, который не испугается и не промахнется.
- И где же вы видели таких людей? – удивленно воскликнул гимназист.
- На войне, – просто ответила хозяйка квартиры. – Правда, это был один человек, но он действительно никогда не промахивался.
- Вы были на войне?!
- Вот уж не думала, что среди ваших знакомых был бретер! – хрустнула пальцами Искра.
- Присутствующие дружно уставились глазами в женщин, невольно сравнивая их между собой. Обе они были молоды, стройны и красивы, но каждая по-своему. Гедвига была брюнеткой, тщательно и со вкусом одетой, как и полагается модистке. Искра была ее полной противоположностью. Светло-русые волосы были гладко зачесаны назад, строгое темно-серое платье лишено каких-либо украшательств, подчеркивая, что ее владелица – натура целеустремленная и не собирающаяся тратить время на всякие глупости.
- Нет, это был простой солдат, – ответила ей хозяйка квартиры, и в ее голосе прозвучала легкая горечь.
- И где же он теперь?
- Не знаю. Кажется, где-то в Рыбинске, а может, еще где.
- Н-да, мудрено будет сыскать человека, да и надо ли?
- Вам виднее, Ипполит Сергеевич... Кстати, господа, не угодно ли чаю?
- Было бы недурно! – оживился студент. – А то мы с товарищами голодны как волки.
- Тогда вы должны помочь мне с самоваром. Обычно я его не ставлю, поскольку греть ведро воды, когда нужна одна чашка, право же – расточительство. Но нынче у меня столько гостей, что ведро будет в самый раз.

---

<sup>1</sup> Речь идет о покушении А. К. Соловьева, совершенном 2 (14) апреля 1879 года. Народоволец воспользовался беспечностью охраны императора и, подобравшись к тому на близкое расстояние, сделал в общей сложности пять выстрелов, но промахнулся.

– Барышня, а давайте я, – выступил вперед Максим. – Оглянуться не успеете, как самоварчик поспеет. Я в этом деле мастак!

– Сделайте одолжение, – улыбнулась Гедвига. – Пойдемте, я покажу вам кухню.

– Что ты обо всем этом думаешь? – тихонько спросила Искра Ипполита, когда хозяйка с помощником вышли.

– Не знаю, прежде она не говорила мне о подобных знакомствах.

– Ты ей доверяешь?

– А почему нет?

– Не знаю, какая-то она...

– Уж не ревнуешь ли ты?

– Что за глупости!

– Прости, но это ты говоришь глупости. Гедвига – хороший и надежный товарищ. А если не хочет выглядеть синим чулком, так это потому, что профессия у нее такая! Кстати, она очень недурная модистка и пользуется популярностью. Это может помочь в нашем деле.

– Ты поэтому дал ей денег на открытие мастерской?

– И поэтому тоже. Довольно. Мы привлекаем ненужное внимание. Ступай к молодым людям и рассказывай им о страданиях народа. Лучше всего гимназисту, мастеровой и так все про это знает. Нам нужны исполнители!

Молодая женщина кивнула в ответ и подошла к Аркаше. Тот внутренне поежился, но постарался приосаниться, пытаясь представить себя более взрослым.

– Вы курите? – томно спросила она, доставая папиросочницу.

– Нет. То есть – да, – совсем смешался тот.

– Берите, – улыбнулась Искра.

– Благодарю, – покраснев, ответил тот и протянул руку.

– Как вы думаете, – внезапно спросила женщина, – такие стрелки действительно бывают?

– Не знаю. Наверное...

– А вы могли бы стать таким стрелком?

Длинный гудок в клочья разодрал ночную тишину, давая знать мастерам, что пора просыпаться и идти на работу. Всего гудков давалось три. Первый будил работников, второй указывал, что пора выходить из дому, а третий звучал перед тем, как заводские ворота запирались. Тут уж, как говорится, кто не успел – тот опоздал. А наказание за опоздание одно – увольнение. Вот и поторапливаются рабочие, прихлебывая пустой чай, а то и просто кипяток, заедая его коркой хлеба. Если она есть, конечно, эта корка.

Покончив со скудным завтраком, мастеравые покидают свои убогие жилища и нескончаемым потоком идут на свои фабрики и заводы. Хотя какие они свои? У них хозяева есть, а дело рабочих – с утра до вечера трудиться на них, чтобы заработать себе и своим детям на хлеб, делая при этом богатых еще богаче, а самим оставаясь в нищете.

Впрочем, далеко не все среди мастеровых нищие. Случается среди них и рабочая аристократия, вроде Акима Филиппова. Человек он звания хоть и самого простого – из крестьян, однако же цену себе знает! Шутка ли, машинист парового молота. Это вам не фунт изюму, или какой-нибудь там простой кузнец! Правда, к нынешнему своему положению шел Аким Степанович долго. Вон уж и волосы, бывшие некогда цвета воронова крыла, совсем поседели. А спина, бывшая с молодости прямой и крепкой, теперь по-стариковски сутулая. Кстати, Акимом Степановичем его сроду никто не называл. В молодости все больше Акимом, или даже Акишкой был, а к старости стал Степанычем. А вот так, чтобы вместе... рылом не вышел. Но в своем деле он – дока! Этого не отнять.

Владелец, а по совместительству директор и главный инженер, завода господин Барановский как-то, хвастаясь перед заказчиками, показал им фокус. Снял с живота золотые часы с

цепочкой, раскрыл крышку, да и положил на наковальню. А затем махнул Степанычу рукой, дескать, делай! А тому что, дернул за рычаг, и тысячепудовая баба парового молота полетела с верхотуры вниз... Казалось, что сейчас от барских часиков и мокрого места не останется, ан нет! Остановил старик свой мудреный механизм. Петр Викторович даже побледнел маленько, хоть старался виду не подавать. Затем Степаныч молот назад поднял, да и отпустил часы, или как их еще господа называют – брегет. Глядь, а крышка-то закрыта! Ну и хозяин, понятно, рад-радехонек, стал показывать собравшимся, что на них даже царапины нет. Вот так-то, знай наших!

Степанычу тогда восхищенные его умением заказчики даже аплодировали. Ну и господин Барановский не обидел, пожаловал от щедрот своих – красненькую<sup>2</sup>. А чего? Десять рублей не всякий рабочий в месяц жалованья получает, а тут пожалуйста, можно сказать, задарма! Филиппов тогда на радостях... нет, не то, что вы подумали, водку он считай и не пьет, разве что на великий праздник, и то, если угостят. Нет, он тогда дочке своей – Стеше – платок купил красный, да не ситцевый, а чистого шелку! А еще бусы и отрез на платье. Не поспешил!

Две радости в жизни у Степаныча. Мастер он от бога, и дочь у него красавица! Жили они вдвоем. Мать Стешина померла, когда та еще совсем маленькой была, а вдругорядь жениться машинист не стал. Жили, кстати, неплохо. Можно даже сказать – зажиточно! Домик у них был свой и даже с маленьким садом. Зарабатывал старик хорошо – без куска хлеба не сидели, как иные. А хозяйством Стеша занималась, даром что ей от роду всего шестнадцатый год пошел.

Мысли о дочери всегда радовали старика, и в фабричные ворота он, в отличие от прочих мастеровых, вошел с улыбкой. У остальных рабочих лица были хмурыми, а иной раз даже угрюмыми. Ну а чего им радоваться-то? Работать надо!

С началом рабочего дня заводские стены заполнил гул. Громко бухал молот, гудели станки, да пыхтела паровая машина, приводившая их в действие. Заказов у предприятия Барановского хватало. Военному и морскому ведомствам нужны были зарядные трубки, станки для артиллерийских орудий, снаряды и многое другое. Война хоть и недавно кончилась, но за ее время запасы у российских военных изрядно сократились, и теперь требовалось их срочно восполнить.

Впрочем, было на заводе место, куда шум практически не доставал. Это был кабинет Петра Викторовича, служивший ему заодно и чертежной мастерской, и аудиенц-залом, и всем, что бы ни понадобилось хозяину. Сейчас он принимал в нем своего двоюродного брата и по совместительству совладельца, только что вернувшегося в Петербург из очередной поездки. Владимир Степанович был на восемь лет младше своего родственника, но уже успел стать довольно знаменитым изобретателем в области военной техники.

– Наконец-то ты вернулся, – озабоченно сказал Барановский-старший, нервно потирая руки. – О тебе не раз уже спрашивались из министерства.

– Что у них там еще стряслось?

– Точно не знаю. Кажется, возникли проблемы со снарядами к пушке твоего изобретения. Гильзы у них помялись, или что-то вроде этого.

– Это все из-за небрежного хранения.

– Может, и так, но ретроградов из ведомства генерал-фельдцейхмейстера убедить в этом будет весьма непросто!

– Конечно! С картузами такого не случается, – не без сарказма в голосе воскликнул Владимир, как будто кого-то передразнивал.

– А я тебе говорил, что для твоих, как ты их называешь... унитарных патронов? Так вот – их время еще не пришло! Теперь эти кувшинные рыла тебя с потрохами съедят!

---

<sup>2</sup> Красненькая – жаргонное название ассигнации достоинством в десять рублей.



– Ну, полноте, кузен. Все не так плохо. Моряки нашу пушку на вооружение приняли, военные от горных орудий тоже вряд ли откажутся, так что без заказов мы не останемся.

– Но все же тебе лучше утрясти все спорные вопросы с министерством, и не откладывая!

– Разумеется. Завтра же займусь этим.

– Ну, вот и славно! Кстати, ты так и не рассказал, куда и зачем ездил?

– О, кузен. Я все-таки привез его!

– Его – это кого? – вопросительно изогнул бровь Петр Викторович.

– Весьма необыкновенного человека!

– Право, ты меня интригуешь!

– Нисколько. Помнишь, я тебе рассказывал о солдате-изобретателе?

– Того, что предложил новую конструкцию митральезы? Как же, как же, помню.

– Так вот, я его привез!

– Ты говоришь так, будто речь идет по меньшей мере о заморском королевиче.

– Ну, королевич – вряд ли, но человек он явно не простой. Во всяком случае, слухи о его родстве с одной аристократической фамилией ходили.

– И где же ты нашел этого... аристократа?

– Не поверишь, в Рыбинском околотке!

– Э...

– Да-да, в полиции. И вытащить его было не самым простым делом, уж ты мне поверь.

– Что же он натворил? Хотя нет, мне это совсем не интересно, скажи лучше, зачем он тебе нужен?

– Ах, кузен, сейчас ты сам все поймешь, – загадочно улыбнулся Владимир и, выглянув на секунду из кабинета, пригласил войти внутрь престранного субъекта.

Вошедший был довольно молодым человеком, худощавого телосложения, однако при более пристальном взгляде можно было предположить, что он обладает недюжинной физической силой. Темные волосы его были коротко острижены, а на верхней губе росли щегольские усики. Одет он был скромно, чтобы не сказать бедно. Из-под кургузого пиджака мышинного цвета выглядывала косоворотка, а темно-зеленые, почти черные шаровары были заправлены в добротные сапоги. На голове его был почти щегольской картуз, впечатление о котором портил сломанный лаковый козырек. А довершал образ фиолетовый синяк под глазом. При всем при этом незнакомец вел себя совершенно невозмутимо, как будто с равными.

– Здравствуйте, – вежливо, но вместе с тем без тени подобострастия в голосе поприветствовал он фабриканта и протянул ему руку. – Меня Дмитрием зовут.

Петр Викторович общался с людьми самых разных кругов, от аристократов до мастеровых, поэтому его было трудно чем-либо удивить. Пожав протянутую ему ладонь, он сухо кивнул новому знакомому на стул и сел сам. Тот воспринял приглашение как само собой разумеющееся и удобно устроился на предложенном ему месте. При этом он не вальяжно развалился, как Владимир, и не присел на краешек, как это сделал бы любой приглашенный к хозяину мастер или рабочий, а именно что удобно устроился.

– Как добрались? – нейтрально поинтересовался фабрикант.

– Нормально, – пожал плечами Дмитрий.

– Первым классом, – улыбнулся уголками губ Владимир.

– Где остановились?

– Да пока нигде.

– Ах да, вы же с дороги прямо сюда. Ну и как вам столица?

– Так я ее и не видел. Вокзал только да спину извозчика.

Младший Барановский с удовольствием рассмеялся от подобной непосредственности. Затем посерьезнел и, стараясь быть убедительным, начал говорить:

– Дорогой кузен. Дмитрий Николаевич, несмотря на свой не слишком презентабельный вид, человек в некотором роде замечательный и даже талантливый. Именно ему принадлежит идея митральезы, в которой перезарядка осуществлялась бы от работы выстрела.

– Понятно. Ты все же не оставил этой затеи. Нет, в теории она, разумеется, остроумна, но...

– А на практике, значит, нет? – резанув фабриканта острым взглядом, спросил новый знакомый.

– Видите ли, молодой человек, я не первый год занимаюсь своим делом, и у меня большой инженерный опыт. В настоящее время подобный механизм я полагаю совершенно невозможным.

– У вас найдется винтовка Спенсера или винчестер? – прервал его Дмитрий.

– Что, простите?

– Я спрашиваю, нет ли у вас магазинной винтовки с рычажным затвором?

– Э... Есть.

– Дайте мне ее, и я до завтра сделаю вам действующий образец, перезаряжающийся энергией выстрела.

– Однако! Что, прямо вот так и сделаете?

– Ну, мне понадобятся некоторые материалы и помощь ваших слесарей, но много времени переделка не займет. Не бойтесь, ни одна винтовка в процессе модернизации не пострадает.

– Забавно. Хотя почему бы и нет. – Барановский-старший решительно встал и, открыв стоящий в углу шкаф, извлек на свет божий карабин системы Винчестера 1873 года. – Подойдет?

– Вполне, – встал вслед за ним Дмитрий и, взяв в руки оружие, стал внимательно рассматривать его.

– Встречали такой?

– Такой – нет. У турок все больше 1866 года встречались под патрон кольцевого воспламенения.

– Это в какой-то мере более совершенный образец. Усовершенствованный механизм, стальная коробка...

– Хорошая вещь! – одобрительно заявил молодой человек. – Можно приступать?

– Извольте, – согласился Петр Викторович и пригласил гостя следовать за ним в цех.

– Кузен, а что это вы карабин при себе держите? – удивленно спросил двоюродный брат. – Неужели случилась такая надобность...

– Господь с тобой, – усмехнулся фабрикант. – Механизм заедать стал, вот и взял с собой. Починить починили, а забрать все времени не было.

Появлению хозяев в цеху никто не удивился. По-видимому, они были там частыми гостями. Разве что мастер бросил объяснять что-то одному из рабочих и суетливо подбежал к господам.

– Чего изволите? – громко спросил он, стараясь перекрычать гул.

– Вот что, Никодимыч, этого молодого человека зовут Дмитрием. Дай ему в помощь хорошего слесаря да проследи, чтобы ему не мешали да потребными материалами обеспечили!

– Слушаю-с, – угодливо согнулся тот и повел нового знакомого за собой.

Оставшись одни, Барановские переглянулись, и старший громко заявил младшему:

– Послушай, Владимир. Этот твой изобретатель либо гений, либо – наглец!

– И то и другое! – со смехом отвечал ему тот.

Новый знакомый не обманул. Переделка была осуществлена довольно быстро и свелась к установке под цевьем карабина металлического штыря, соединенного тягой со скобой Генри. С

другой стороны, перед дульным срезом помещалось кольцо, а возвратно-поступательные движения обеспечивались навитой вокруг него пружиной.

– Это все? – недоверчиво спросил Петр Викторович, когда его позвали в цех.

– Нет, что вы, – устало усмехнулся Дмитрий. – Еще патроны нужны и, возможно, регулировка.

Получив требуемое, он зарядил укрепленное в тисках оружие и, убедившись, что на линии огня никого нет, нажал на спуск. Винтовка выстрелила, и вырвавшиеся на свободу пороховые газы заставили дернуться кольцо, а вместе с ними и штырь с тягой. Та, в свою очередь, потянула за скобу, и оружие перезарядилось, выбросив отстрелянную гильзу. Сделав еще пару выстрелов и убедившись, что механизм работает как надо, изобретатель ухмыльнулся и, нажав на спуск еще раз, не стал его отпускать. Бах-бах-бах, и карабин на глазах изумленной публики выпустил весь магазин.

– Примерно так!

– Черт возьми! – только и смогли сказать в ответ Барановские.

Рабочие и мастер, помогавшие в работе, тоже заметно воодушевились, но говорить ничего не стали, очевидно, не желая оскорблять господский слух приличествующими случаю выражениями.

– Простите, Дмитрий, как вас... – спросил Петр Викторович, когда демонстрация закончилась и они вернулись в кабинет.

– Дмитрий Николаевич Будищев, – еще раз представил молодого человека Владимир.

– Прекрасно. Так вот, господин Будищев, я, пожалуй, готов взять вас к себе на службу. У вас определенно светлая голова и нетривиальный взгляд на вещи. Кстати, что вы еще умеете?

– Ну, вообще-то я электрик. В смысле гальванер.

– Замечательно! Вы просто находка какая-то. Теперь я понимаю, зачем мой двоюродный братец ездил за вами в такую даль. А что у вас с документами?

– Да нормально у меня все, если не считать, что я числюсь на действительной службе и нахожусь в отпуске по ранению. Кстати, скоро мне предстоит пройти врачебную комиссию...

– Ну, этот вопрос, я полагаю, мы решим.

– А зарплата какая?

– Как вы сказали – зарплата? Вероятно, сокращенное «заработная плата»... Интересное словосочетание и, пожалуй, верное. Ну, обычное жалование для гальванера составит... скажем, пятнадцать рублей в месяц. Согласны?

Физиономия Будищева достаточно ясно показала, что он думает по поводу российских предпринимателей вообще и господ Барановских в частности.

– Только для вас – двадцать! – правильно истолковал его взгляд Петр Викторович.

– Владимир Степанович, – обратился к младшему компаньону Дмитрий, – вы говорили, будто по-немецки шпрехаете?

– Да, а что?

– А как по-ихнему будет «крохоборство»?

Услышав этот пассаж, кузены сначала остолбенели, а потом дружно расхохотались.

– Нет, я не могу, – держась за живот, смеялся фабрикант. – Положительно, вы мне нравитесь! Ладно, где наша не пропадала. Для начала положу вам четвертной, а там видно будет. За каждое ваше изобретение, нашедшее применение, – премия. Соглашайтесь, больше у меня только мастера получают.

– Уговорили, – кивнул Будищев. – Для начала так для начала. И кстати, первый образец автоматического оружия я вам уже представил. Что вы там о премии говорили?

– Да вам, как я посмотрю, палец в рот не клади! Однако же я говорил об изобретениях, нашедших применение, не так ли?

Договорив, Барановский-старший снисходительно улыбнулся, однако смутить собеседника ему не удалось. Молодой человек лишь пожал плечами в ответ.

– Так ведь применение найти не проблема. Генералы ведь в оружие, перезаряжаемое силой выстрела, тоже не верят? Вот и покажите им!

– Хм, как я посмотрю, у вас на все есть ответ! – нахмурился предприниматель, но тут же улыбнулся и достал из портмоне трехрублевый билет. – Впрочем, работу вы действительно сделали, причем – в срок, так что держите.

Любой мастеровой принял бы деньги из рук хозяина с поклоном, но Будищев просто взял купюру и сунул ее к себе в карман.

– Когда приступать к работе?

– Вот это деловой разговор! Даю вам день на обустройство, а послезавтра выходите.

– Как скажете.

– Ну, вот и замечательно, – широко улыбнулся фабрикант, затем помялся, будто хотел что-то спросить, но так и не решился.

– Что-то не так?

– Нет, что вы, – смутился Барановский. – Просто... это вас в полиции?

– Фингал-то? – правильно понял вопрос Дмитрий. – Так это отец Питирим постарался.

– Какой еще отец Питирим?!

– Священник в нашей деревне.

– Господи, час от часу не легче! А с ним-то что?

– А что ему сделается? – пожал плечами молодой человек. – Здоровый, зараза!

– Гхм. Надеюсь, здесь вы не станете конфликтовать с церковью?

– Ни в коем разе! – Будищев сделал самое честное лицо, на какое только был способен.

Вскоре рабочий день подошел к концу, о чем тут же оповестил очередной гудок. Разнорабочие кинулись убирать цех от стружки и прочего мусора, накопившегося за смену, а мастера, сложив инструменты, потянулись к выходу. Те, что помоложе, еще пытались переговариваться или даже беззлобно подшучивать друг над другом, но люди более степенные, вроде Филиппова, в этих забавах участия не принимали и шли домой.

– Степаныч! – окликнул старика мастер.

– Чего тебе, Никодимыч? – устало отозвался машинист.

– Да вот человека надо бы на квартиру устроить. Не подскажешь ли, к кому можно?

Аким Степанович наклонил голову и обстоятельно осмотрел стоящего рядом с мастером молодого парня, в котором тут же признал умельца, сделавшего из хозяйского ружья адскую машину для убийства. Отметив про себя нахальный взгляд и щегольские усики, мастеровой поморщился и коротко отрезал:

– Не подскажу!

– Да он заплатит! – попробовал новый аргумент мастер, которому хозяин велел помочь новичку с обустройством.

– Коли найдет квартиру, так и заплатит, – отрезал старик. – А негде ночевать, так пусть идет в казарму к молодым...

– Нет, уважаемый, – покачал головой Будищев. – Я в казарме, слава богу, пожил, и мне хватило!

– Служил, что ли? – осведомился Филиппов.

– А то! Самую малость до генерала оставалось, да вот незадача – турки ранили!

– Тебе к Еремеевне надоть, – смягчился мастеровой. – Дом у ей пустой, поди, не откажет.

Да и в деньгах баба нуждается.

– А ты, стало быть, – нет?

– Гневить Бога не буду, не бедствую.

– Ну, вот и славно! – обрадованно вмешался мастер. – Проводи его, Степаныч, сделай милость! Тебе все одно по пути.

– Ладно, чего уж там! – сварливо проворчал старик и махнул парню рукой, дескать, пошли.

Тот немедленно подхватил свой сундучок и господского вида саквояж и тут же двинулся за ним следом, кивнув на прощание Никодимычу. Правда, мастер уже пошагал восвояси, радуясь про себя, что избавился от обузы.

Некоторое время они шли молча, но скоро Филиппова разобрало любопытство, и он спросил попутчика:

– Воевал?

– Нет, батя, – одними глазами усмехнулся Будищев. – Так, в штабе писарем отсиделся.

– Эва как! – уважительно отозвался старик. – Так ты грамотный?

– Это точно, – чертыхнулся про себя Дмитрий, все время забывавший, что писарь в окружавшей его действительности – должность весьма почетная и ответственная.

– Погоди-ка, – вдруг остановился собеседник и удивленно спросил: – А как же тебя турки ранили?

– Случайно.

– Ишь ты, а я думал, ты – герой!

– Нет, батя, мы люди тихие и богобоязненные.

– А под глазом у тебя, видать, от усердных молитв потемнело? – не без ехидства в голосе осведомился машинист.

– Точно, – засмеялся молодой человек.

– Ну, вот и пришли, тута Еремеевна живет.

– Ох ты ж, – замысловато удивился Будищев, разглядывая покосившийся неказистый домишко с забитым всяким тряпьем оконцем и настежь открытой калиткой, выглядевшей чудно, поскольку ни малейшего забора не наблюдалось. – Прямо избушка на курьих ножках!

Тут на зов Степаныча вышла хозяйка, и сходство с жилищем Бабы-яги стало еще более полным.

– Чего вам? – хмуро спросила сгорбленная старуха с крючковатым носом и седой прядью, выбившейся из-под черного платка.

– Да вот, Еремеевна, человек угол снять хочет. Непустишь ли?

– Куда мне, – тусклым голосом отозвалась женщина. – Сам, поди, знаешь...

– Ничто, ему много не надо!

– Настыка-то моя отмучилась, – не слушая его, продолжала Еремеевна. – Привезли из больницы, а хоронить-то не за что, все на лечение пошло...

– Ишь ты, горе-то какое, – смутился Филиппов. – А я и не знал...

– Ты охренел, старый! – возмутился парень. – Я, может, и не графских кровей, но и не на помойке найденный. Ты меня куда привел?

– Промашка вышла! – согласился тот. – Ладно, чего уж там, пойдем ко мне, переночуешь, а там видно будет. Только смотри, чтобы без баловства!

– Что делать теперь, ума не приложу, – таким же безжизненным голосом продолжала причитать старуха.

– На-ка вот, Матрена, – Степаныч вытащил из кармана монетку и немного сконфуженно протянул своей знакомой. – Ничего, мир не без добрых людей, поможем...

Та потухшими глазами поглядела на мастерового, затем как-то машинально протянула руку и приняла подавание, а незваные гости спешно ретировались. Дальнейшую дорогу проделали молча, благо оставалось не так много, и скоро они подошли к несколько более привлекательному строению. Дом машиниста был хоть и не велик, но куда более ухожен. Наличники на окне и забор вокруг палисадника блестели свежей краской, хотя и не слишком заметной в

наступивших сумерках. Пройдя по тщательно выметенной дорожке к крыльцу, они поднялись по скрипучим ступенькам и, открыв дверь, вошли внутрь.

– Батюшка вернулся! – радостно кинулась навстречу отцу Стеша, но, увидев гостя, смущенно остановилась. – Ой...

– Здравствуй, красавица, – поприветствовал девушку Будищев, сообразивший, почему старик не хотел вести его к себе домой.

– Здравствуйте, – отозвалась та, с любопытством разглядывая незнакомца.

– Вот что, Степанида, – тут же вмешался в разговор глава семьи. – Человек переночует у нас нынче. Постелешь ему в сенях на лавке, а теперь накрывай на стол, что-то я проголодался – сил нет!

– Да у меня все готово, – улыбнулась девушка и повернулась к гостю. – Садитесь, не побрезгуйте.

– Спасибо, – отозвался Будищев. – А где можно руки помыть?

– Пойдемте, я вам солью.

– Меня Дмитрием зовут, – представился он, наконец, новой знакомой.

– Стеша. А вы тоже на фабрике Барановского работаете?

– Ага. Только что поступил.

– Вы приезжий?

– Типа того. Из Рыбинска.

– Что-то непохоже.

– Почему это?

– Говор у вас не ярославский.

– Верно. Просто я только что со службы вернулся, отвык.

– Ну, будя! – прервал разговор подозрительно наблюдавший за ними Степаныч. – Давайте есть.

На столе их уже ожидал пышущий жаром чугунок, распространявший вокруг себя умопомрачительный запах щей. Пока Стеша разливала их по мискам, глава семьи взялся за ковригу ржаного хлеба и отрезал от нее всем по хорошему ломтю. Дмитрий, глядя на все эти приготовления, тоже не остался в стороне и, открыв свой сундук, вытащил из него запечатанный сургучом водочный штоф.

– Давайте, что ли, за знакомство?

Возражений от Степаныча не последовало, и девушка поставила перед мужчинами две стопки. Прозрачная, как слеза генеральши Поповой<sup>3</sup>, жидкость, булькая, заполнила стаканы и, не задерживаясь, отправилась дальше.

– Хороша! – крикнул Филиппов и поспешно закусил корочкой хлеба.

Будищев, напротив, только немного пригубил из своей стопки и тут же подлил хозяину дома. Тот принял это как должное, и вторая порция последовала за первой. Скоро язык у машиниста развязался, и он, покровительственно поглядывая на Дмитрия, принялся расспрашивать его, где тот выучился специальности и где работал прежде. Молодой человек в ответ лишь отшучивался, не забывая подливать в стаканы, и вскоре они стали почти друзьями. Стеша смотрела на это безобразие без восторга, но возражать не смела. Лишь когда они дохлебали щи, будто спохватившись, спросила:

– Батюшка, ты слышал – у Еремеевны дочь померла?

– Ага, – пьяно отозвался тот. – Мы с Митькой заходили к ей.

– Жалко, молодая еще.

– Чахотка! – пожал плечами Степаныч и громко икнул.

---

<sup>3</sup> Марка водки – «Винокурня генеральши М. Н. Поповой».



Будищев после этих слов чуть не поперхнулся и посмотрел на собутыльника, будто примериваясь половчее двинуть кулаком. Но все обошлось, тем более что дело шло к ночи и пора было ложиться спать. Парень помог добраться до постели захмелевшему хозяину, а затем направился к лавке, приготовленной для него Стешей. Девушка уже убирала со стола, оставив лишь бутылку и одну из стопок, а также нехитрую закусь.

– Вы еще будете? – спросила она у Дмитрия.

– Если только с тобой.

– Что вы, я не пью!

– И это – правильно! – ухмыльнулся тот. – Я тоже не пью. Из мелкой посуды.

– И батюшка мой не пьет. Обычно.

– Когда не наливают? – осведомился Будищев. – Ладно, пожалуй, на сегодня хватит. Ты извини, что я твоего папашу накачал. Просто день был трудный, а тут еще эта, как ее, Еремеевна с Настей...

– Да ничего, – простодушно отвечала Стеша. – Известное дело – мужикам выпить надо. Вы же не каждый день?

– Вот именно! – усмехнулся Дмитрий и принялся стягивать сапоги.

– Спокойной ночи!

– Взаимно, – отозвался тот, укладываясь на жесткую скамью. Затем, убедившись, что остался один, повернулся на бок и, прежде чем заснуть, пробормотал: – Ладно, старый хрен. Я тебе этот тубдиспансер еще припомню!

Едва первый гудок разорвал ночную тишину, Степаныч ошалело вскочил и с недоумением вытаращился в окружающий его полусумрак. Единственным источником света в комнате была тусклая лампада перед иконами, но ее хватало лишь, чтобы были видны строгие лики святых. Смертельно хотелось воды, и Филиппов слез с печи и, старчески шаркая, поковылял к ведру, стоящему неподалеку. Зачерпнув ковшем содержимое, он хотел было утолить жажду, но вдруг острая, как нож, мысль резанула его по сердцу. Затаив дыхание, машинист прокрался к углу и осторожно отодвинул занавеску. Свернувшаяся клубочком Стеша сладко спала на своей постели, по-детски причмокивая во сне. На душе немного отлегло, и подозрительный старик, вздохнув, приложился к ковшу. Живительная влага щедро оросила горящие огнем внутренности, понемногу вернув способность соображать.

Лавка, на которой постелили гостю, была пуста, и лишь лежащее на ней покрывало указывало на то, что здесь кто-то ночевал. Тут отворилась дверь, и на пороге появился Будищев.

– Доброе утро, – поприветствовал он хозяина.

– Тихо ты, аспид! Дочку разбудишь.

– Если ее гудок не поднял, то мне и подавно не удастся, – возразил Дмитрий с легкой усмешкой, но все же сбавил тон.

– Мала она еще, – сварливо отозвался старик. – Успеет еще навставаться в рань.

– Так я разве против? – развел руками гость.

– Ишь ты, не против он!

– Вот что, старинушка, – посерьезнел Будищев. – То, что ты мне угол сдать не хочешь – понятно. Девка молодая, красивая, пойдут слухи, чего доброго, а я тебе в зятя не набиваюсь. Но идти мне куда-то, так что пусть тут хоть вещички мои полежат. Хотя бы пока я квартиру не найду.

– Чтоб угол найти – деньги надобны! – наставительно отозвался Степаныч. – Ты еще и дня не отработал на фабрике-то.

– Про деньги – не твоя печаль. Главное, чтобы квартира была чистая и без больных. И хозяева в мои дела не лезли.

– Я гляжу, средства у тебя есть? – вопросительно изогнул бровь Филиппов.

- Мал-мал имеется, – не стал отпираться Дмитрий.
- Пять рублей в месяц!
- Старый, ты охренел, или свою халупу с «Гранд-отелем» перепутал?
- Не нравится, пойдی в ночлежку. За полтину целый месяц ночевать сможешь, правда, с соседом. А ежели целковый<sup>4</sup> не пожалеешь, так нары только твои будут.
- Фигасе у вас в Питере цены!
- Столица. Понимать надо!
- Три рубля.
- Под мостом только если.
- Тогда чтобы с харчем.
- Само собой. Дочка все одно готовит, однако же приварок в заводской лавке покупать будешь.
- Какой еще заводской лавке?
- Эх ты, деревенщина! Знамо дело в какой. Жалованье-то в конце месяца платят, а чтобы мастеровые, значит, с голоду ноги не протянули, для них хозяева при заводе лавочку держат. Там в счет будущего скупаться можно.
- Втридорога?
- Бывает и такое, однако наш Петр Викторович, дай ему Бог здоровья, барин добрый и людей почем зря не обижает. У него и наценка божеская, и тухлятину его приказчики не продают, как иные.
- А вот этот момент я упустил, – пробормотал парень, затем задумался и коротко мотнул головой. – Идет!
- Половину вперед!
- После этого они обменялись рукопожатиями, и мятая трехрублевка сменила хозяина.
- Значится, так, – объявил повеселевший машинист. – Ты – мой племян из деревни. Так всем и скажем. Понял?
- Понял, что тут непонятного.
- Тогда давай вчерашние щи доедим, да на работу пора.
- Ничего не имею против, ступай по холодку.
- Это как?
- А так. У меня день на обустройство, а на работу завтра.
- Эва как... прямо как благородному. И куда ж тебе цельный день?
- Ну, как куда, осмотреться надо, одеться по-человечески, а то надоело, что на меня люди косятся, как на босяка. Есть у вас тут лавки или магазины? Только чтобы не слишком дорого, а то ты меня сейчас отпратишь, по простоте моей.
- Ага, видал я таких простаков, – хмыкнул Степаныч. – Только на что тебе в лавку? Ступай уж сразу к старьевщику, раз денег немного. У них всяких вещей много, может, и подберешь себе что.
- Ладно, уговорил, черт красноречивый. Так я и сделаю.

Лавка старьевщика Ахмета располагалась во дворе одного из доходных домов, находящихся поблизости от рабочей слободки. Можно было сказать, что лавка стояла на незримой границе между ареалами обитания «чистой публики» и «мастеровщины» – так презрительно назывались в Российской империи рабочие фабрик и заводов.

Владелец заведения – старый татарин в мягкой войлочной шапочке на абсолютно лысой голове, встретил нового клиента настороженно, но любезно.

- Что угодно? – без улыбки на широком морщинистом лице осведомился он.

---

<sup>4</sup> *Целковый* – просторечное название серебряной монеты в один рубль.

– Приодеться бы мне, – пожал плечами Будищев, пытаясь разглядеть висящую на множестве стоящих вдоль стен вешалок одежду.

– Чек якши<sup>5</sup>, – покивал старьевщик и отставил в сторону счеты. – Но позволено ли мне будет спросить, какими средствами вы располагаете, молодой человек?

– Средств у меня мало, а потому одежда должна быть хорошая!

– Ишиксез<sup>6</sup>, вы пришли по адресу! Клянусь Аллахом, ни у кого во всем Петербурге вы не найдете таких хороших вещей по таким смешным ценам.

– Нельзя ли посмотреть?

– Пожалуйста! Вот, будьте любезны, хороший фрак. Его принесла вдова одного чиновника – почтенная госпожа Брунс. Ее покойный супруг, пока был жив, разумеется, часто получал награждения за службу, и они могли себе позволить хорошие вещи. А когда он, мир его праху, скончался...

– Дядя, оставь себе этот фрак! Вдруг сам скопытишься, а парадного лапсердака нет.

– Да зачем же так нервничать! Это очень хорошая вещь...

– Ну и куда я его надену?

– А мне почем знать? Вы же не сказали, зачем вам одежда! Сейчас часто бывает, что студенты одеваются как мастеровые, а купцы – как благородные господа. Клянусь Аллахом, я сам такое не раз видел!

Хотя терпение никогда не было среди сильных сторон Дмитрия, он все же сдержался.

– Значит, так! Мне нужен костюм или хотя бы пиджак взамен этого. Ну и картуз другой.

– Да, вашему головному убору не повезло. Может быть, предложить вам шляпу?

– Может, я в другую лавку пойду?

После этих слов татарин сообразил, что перегибает палку, и вытащил на свет божий несколько разных сюртуков, поддевок, пиджаков и даже куртку от студенческого мундира с орлеными пуговицами. Причем взгляд у старьевщика оказался настолько наметанным, что все предложенное было Будищеву почти впору. Быстро перебрав лежащую перед ним гору одежды, парень выбрал добротный сюртук темно-коричневого сукна и пиджачную пару из клетчатой шотландки. И то, и другое было слегка великовато, но совершенно не попорчено молью, как многие другие вещи, и не испачкано.

– Чутка бы поменьше, – разочарованно вздохнул требовательный клиент.

– Аллах с вами, – всплеснул руками хозяин лавки. – Все очень хорошо! Просто пойдите к портному, и вам все подгонят по фигуре, так что все будут думать, будто это сшито на заказ!

– И сколько?

– Ну, если вы мне оставите...

– Нет, дядя, мне еще на завод в чем-то ходить надо.

– Вы работаете на заводе и хотите носить такие вещи! Двенадцать рублей за костюм и пять за сюртук!

– Фигасе! Уважаемый, я там не директором работаю и не инженером.

– Тогда зачем вам такой костюм?

– Затем, что у тебя джинсов нет! Пять рублей за костюм и два за лапсердак!

– Ай, шайтан, хотите меня без ножа зарезать! Но так и быть, я готов скинуть до пятнадцати...

Жаркая торговля длилась еще некоторое время, пока, наконец, высокие договаривающиеся стороны не сошлись на двенадцати рублях с полтиной и новом картузе в придачу. Старьевщик сначала пытался всучить неподатливому клиенту изрядно поношенную дворянскую

---

<sup>5</sup> Чек якши – Очень хорошо (*татар.*).

<sup>6</sup> Ишиксез – Нет сомнений (*татар.*).

фуражку с круглым пятном<sup>7</sup> от кокарды на выцветшем околыше, но после красноречивого взгляда Дмитрия тут же извинился и принес простой, но добротный картуз с матерчатым козырьком.

Расплатившись, Будищев уложил покупки и собрался было уже уходить, но старьевщик, упаковывая вещи, обратил его внимание на еще один момент.

– Я вам, конечно, дам адрес хорошего и недорогого портного, и он вам подгонит костюм, однако хочу заметить...

– Чего еще?

– У вас очень хорошие сапоги!

– При чем тут это?

– Они не подходят к костюму. Вот просто совсем...

– Вообще-то – да, – согласился Дмитрий. – И что делать?

– Пожалуйста! – жестом фокусника выложил на стол щегольские полуботинки с белым лаковым верхом и черными пуговками на боку.

– Что это?

– Просто шикарные штиблеты! – цокая от удовольствия языком, будто пробуя каждую букву на вкус, ответил Ахмет.

Будищев на минуту задумался. С одной стороны, таскать сапоги ему реально надоело. С другой – фасон обуви ему показался донельзя вычурным или даже, можно сказать, идиотским. Однако припомнив, что носят молодые люди его возраста, одетые по-господски, он понял, что эти ботинки ничем не выделяются на фоне других.

– Померять бы.

– Да будьте любезны, со всем нашим удовольствием!

Состоявшаяся тут же примерка со всей ясностью указала на два обстоятельства. Первое заключалось в том, что глаз у татарина был, действительно, как алмаз. И штиблеты оказались Дмитрию впору. А вот второе заключалось в том, что для ботинок нужны носки, которых у клиента при себе не оказалось. Портянки же для этой цели совсем не годились. У старьевщика носков тоже не было, да и если бы были, покупать бывшие в употреблении молодой человек точно бы не стал.

– Носки можно купить в галантерейном магазине, – пояснил Ахмет. – Кстати, портниха живет совсем недалеко, и вам будет по пути.

– Сколько? – сдался Будищев.

– Десять рублей, – расплылся в улыбке старик.

– Сколько?!

По адресу, указанному старьевщиком, действительно работала и проживала портниха по имени Анна Виртанен – не старая еще женщина с усталым лицом. Комната ее, разделенная на две неравные части ширмой, находилась в полуподвале доходного дома. Это было обычной практикой. Самые дорогие и престижные квартиры располагались на первом и втором этажах. Чем выше нужно было подниматься по парадной лестнице, тем жилье обходилось дешевле, а квартиры на самом последнем этаже и комнаты на чердаке, как правило, снимали студенты или мелкие чиновники. Простому же люду оставались подвалы, где они ютились в сырых каморках с низкими потолками.

– Что вам угодно? – печально спросила она у Дмитрия.

– Да вот, подогнать бы...

– Дайте посмотреть.

Бегло осмотрев принесенные вещи, портниха велела Будищеву раздеваться, чтобы снять мерку.

---

<sup>7</sup> Кокарды носили только находящиеся на службе. Причем у военных они были овальными, а у статских – круглыми.

- Получится? – спросил тот, складывая на стоящий у стены сундук свою одежду.
- Отчего же не получится, – пожала плечами женщина. – Ушивать – не наставлять, ткань подбирать не надо. Хорошие вещи. Рублей восемь, поди, отдали?
- Примерно так, – скрипнул зубами Дмитрий.
- Что с вами?
- Да ничего... Просто поговорку вспомнил – где татарин прошел, там еврею делать нечего!
- У Ахмета брали?
- А то где же...
- Ой, только вы не говорите ему...
- Заметано! Лучше скажите, сколько станет работа?
- Портниха на секунду задумалась, затем тряхнула головой и объявила:
- Никак не меньше восьмигривенного<sup>8</sup>.
- За костюм?
- За все.
- Срок?
- Завтра приходите, будет готово.
- Идет. Только мне еще пару рубашек будет нужно к костюму, а то носить его с косовороткой – немного не того.
- У вас есть материал?
- Чего нет, того нет.
- С материалом дорого будет. Знаете лучше что, у меня есть неплохие обрезки. Если угодно, я сделаю вам хорошую манишку<sup>9</sup>. Воротник и манжеты можно будет менять. Правда, понадобится жилетка, но вам, если хотите носить такой костюм, и так без нее не обойтись.
- Жилетка?
- Не беспокойтесь. Материалу на нее надо совсем немного, только на лицевую часть. Зато будете выглядеть, как солидный господин. Если, конечно, не станете носить ее с вашим полушубком и сапогами.
- Ничего, скоро лето, обойдемся и без верхней одежды. А ботинки у меня есть. Надо только носки купить.
- А еще шляпу и галстук, – устало улыбнулась женщина.
- Вы думаете?
- Знаю. Только их нужно подбирать к костюму и жилетке. Иначе можно ошибиться.
- Хорошо. Вот вам рубль задатка. А когда одежда будет готова, вы поможете мне подобрать все необходимое. А то я в этом ничего не понимаю.
- Мерси.

Последним испытанием для Дмитрия стало посещение галантерейной лавки, располагавшейся неподалеку. Приказчик – рослый детина с кудрявым чубом и лоснящимися щеками – встретил его настороженно. Уж больно непрезентабельно выглядел полушубок и картуз с треснутым козырьком у потенциального клиента. Однако убедившись, что деньги у того водятся, мгновенно обрел необходимую для его специальности обходительность и любезность.

– Пожалуйте, – жестом фокусника выложил он перед Будищевым несколько пар носков самых разных расцветок, от самых простых – крашенных фуксином, от которого пачкаются ноги, до пижонских из белого шелка.

---

<sup>8</sup> Восьмигривенный – восемьдесят копеек.

<sup>9</sup> Манишка – нагрудная вставка в мужской и женской одежде, которая видна в вырезе жилета, фрака или дамского платья.

Объединяло их все одно – отсутствие даже намека на резинку, отчего было решительно непонятно, как они будут держаться на ноге. Правильно поняв колебания покупателя, приказчик еще одним ловким движением показал ему нечто вроде подтяжек – только коротких. Как оказалось, их надо застегивать под коленом, и натягивать с их помощью носки, подобно тому, как женщины носят свои чулки.

– Твою дивизию! – изумленно воскликнул Дмитрий, представив подобное сооружение на своей ноге.

Видок, по его мнению, получался довольно-таки гомосекий, но никакого выбора, к несчастью, не было. В общем, пришлось разориться и на них. Тем более что штилеты были уже все равно куплены.

Выйдя из лавки, Будищев покосился на всю уже пригревающее весеннее солнышко. Дело шло к обеду, а у него с самого утра маковой росинки во рту не было. Тратить деньги еще и на посещение трактира, после того как договорился на квартиру со столом, ему показалось расточительством. Впрочем, идти домой с пустыми руками тоже не годилось, а потому перед возвращением он заглянул еще в несколько лавок и, закупившись продуктами, отправился, наконец, домой.

Быстро добравшись до места, Дмитрий по-хозяйски ввалился в дом Филипповых и едва не уронил челюсть на чисто выскобленный пол. Как оказалось, Стеша взялась за стирку, и теперь стояла посреди большой комнаты перед ушатом горячей воды, в котором яростно драла вальком<sup>10</sup> рубашки и порты своего отца. А поскольку в доме было довольно жарко, девушка скинула кофточку и осталась в одной нижней сорочке. Брызги воды, летящие во все стороны, намочили ее, и мокрое полотно облепило уже вполне сформировавшуюся девичью грудь.

– Чего уставился? – немного смутилась она и, прикрывшись одной рукой, второй недвусмысленно взялась за валеk. – Ну-ка, закатай бельма обратно да дуй во двор!

– И в мыслях не было! – ухмыльнулся парень, но все же выполнил требование и поспешно ретировался.

– Знаю я все про ваши мысли!

– Стесняюсь спросить, откуда? – не смог удержаться от подначки Дмитрий.

– Ты еще здесь, охальник?!

– Ухожу-ухожу! Только это, я тут, как с твоим отцом уговаривались, харчу прикупил...

– В дверь просунь, а сам не вздумай входить!

– Не больно-то и хотелось, – усмехнулся постоялец, вытаскивая из сидора свертки с продуктами и просовывая в дверную щель. – Такого добра я много видел!

– Вот и хорошо, значит, и тут тебе нечего паяться, – не осталась в долгу девушка. Затем, осмотрев купленные продукты, видимо, смягчилась. – Ты, поди, голодный уже? Сейчас закончу и будем обедать!

«Ну, не настолько, чтобы не обратить внимания на подробности», – с усмешкой подумал Дмитрий, но вслух предложил:

– Тебе, может, помочь?

– Это чем же?

– Ну, если полоскать закончила – давай развешу!

– С ума сошел? – в дверную щель высунулось лицо Стеши. – Или опозорить меня хочешь? Где это видано, чтобы мужики бабьей работой занимались!

Впрочем, девушка и впрямь быстро управилась без посторонней помощи. Буквально через четверть часа выполосканное белье было развешено. Пол насухо вытерт, а на столе волшебным образом появилась чашка с кашей, заправленная маслом.

---

<sup>10</sup> Валеk – специальная ребристая палка, применяемая для стирки. Иначе – пральник. В руках разъяренной женщины может быть страшнее скалки.



– Садитесь, пожалуйста, – пригласила Дмитрия уже одевшаяся хозяйка дома. – Кушайте на здоровье!

– Люблю повеселиться – особенно пожрать! – весело отвечал ей Будищев, усаживаясь за стол. – А ты чего?

– Да я не голодная.

– Ты это брось. А то я себя чувствую как в ресторане. Садись за стол, и пообедаем вместе. Заодно расскажешь мне о здешнем житье-бытье. А то я тут человек новый, ничего не знаю. Давай, не стесняйся!

– Да я не стесняюсь. Просто хотела пойти с Настей попрощаться...

– Не ходила бы ты туда, девонька!

– Почему это?

– Ну как тебе сказать... в общем, зараза там. Не ровен час подхватишь – никакой доктор не вылечит!

– Какая еще зараза?

– Такая! Держаться надо от чахоточных подальше. Дом после них – дезинфицировать. Вещи лучше всего сжечь. Вот такие дела.

– Да я только на минуточку! Попрощаюсь и обратно...

– Еще, поди, поцелуешь покойницу?

– А как же...

– Верный способ заразиться!

Услышав уверенные речи нового знакомого, Стеша задумалась. Заболеть чахоткой ей никак не хотелось, но и не пойти казалось не по-людски. Но Дмитрий говорил так убедительно, к тому же он был грамотный. Отец сказал, что даже служил писарем, а такие люди многое знают и зря говорить не станут.

– Спасибо тебе, красавица, вкусно готовишь! – похвалил ее покончивший с кашей Будищев. – За водку не ругаешь, домашние дела делаешь, да еще и помощи не просишь... если так дело пойдет, я к тебе точно посватаюсь!

– Это вряд ли, – лукаво усмехнулась зардевшаяся девушка.

– Почему?

– Так отец велел говорить, будто ты ему племянник, а двоюродных батюшка венчать не будет! – звонко рассмеялась девушка, показав ровные белоснежные зубки.

– Хозяева! – раздался чей-то голос за калиткой.

– Кто там? – выглянула наружу Стеша.

– Это я, Семка!

– А, женишок! Чего встал, заходи в дом скорее!

Раздался шум шагов, и на пороге появился взлохмаченный мальчишка лет двенадцати. Сняв треух с вихрастой головы, он перекрестился на иконы и затараторил:

– Господин Барановский, Владимир Степаныч, велели вашему постояльцу собираться побыстрее и беспрерывно быть на заводе. Дело какое-то у них. Только велели, чтобы вы в форму оделись!

– Какую такую форму? – удивилась Стеша.

– Не знаю, – пожал плечами мальчишка. – Мне что велено, то и передал!

– Сейчас буду, – прервал их Будищев. – Только переоденусь.

– Ты, поди, есть хочешь? – спросила девушка Семку, пока постоялец скрылся за занавеской.

Тот вздумал было отказаться, но предательская слюна стала так обильно выделяться от запаха пищи, что паренек, несколько раз сглотнув, не выдержал и кивнул. Радужная хозяйка тут же наложила и ему полную миску рассыпчатой каши и пододвинула краюху хлеба.

– Отрежь колбасы жениху, – усмехнулся Дмитрий, услышав, как тот яростно скребет ложкой. – Видать, голодный.

Стеша, не перечая, достала из принесенного им свертка кольцо колбасы и, отхватив ножом небольшой кусочек, подвинула его мальчишке.

– Ишь ты, – удивился тот, – господская еда!

– Жуй, пока не отняли, – усмехнулся молодой человек, выходя на середину комнаты.

– Охти мне! – всплеснула руками девушка, уставившись на надевшего военную форму постояльца.

Семка от удивления тоже бросил жевать и во все глаза смотрел на темно-зеленый, почти черный мундир с синими петлицами, блестящие унтерские басыны<sup>11</sup> на красных погонах с цифрами – 138, но самое главное, на звенящий ряд полного банта Георгиевских крестов и светло-бронзовую медаль за турецкую войну.

– Ишь ты! – только и смог выговорить мальчишка, глядя на все это великолепие.

– Варешку закрой, а то простынешь! – подмигнул ему Дмитрий, старательно начищая бархоткой орла на пряжке ремня.

Лежавшая на дне сундука форма немного примялась на местах сгиба, а просить погладить было неловко, но Будищев и без того выглядел в глазах Семки и Стеши просто ослепительно. Затаив дыхание, наблюдали они за его движениями, пока тот чистил бляху и сапоги. После чего он, водрузив на голову кепи с синим околышем, тщательно выровнял его козырек и обвел притихших подростков веселым взглядом. Сунув руку в карман, унтер-офицер вытащил маленькую, блестящую лаком коробочку и с легким щелчком открыл крышку. В воздухе ощутимо поплыл сладкий запах ванили.

– Держите, – протянул он детям по кусочку какой-то сладости, белой от покрывшей ее сахарной пудры.

– Что это? – почти простонал Семка, мгновенно проглотивший угощение.

– Рахат-лукум, – пояснил Дмитрий. – Турецкая сладость. С войны немного осталось.

Стеша, напротив, в отличие от приятеля, понемногу откусывала от лакомства маленькие кусочки и старательно рассасывала их во рту, блаженно наслаждаясь каждой частичкой вкуса. При этом у нее был такой довольный вид, что Будищев даже помотал головой, будто отгоняя наваждение, и неожиданно охрипшим голосом сказал Семену:

– Ну пойдем, что ли?

– Ага! – с готовностью отозвался тот и, нахлобучив на голову шапку, выбежал в дверь.

Всю дорогу он шел рядом с Дмитрием, стараясь попадать с ним в ногу, но постоянно сбиваясь от того, что с превосходством зыркал по сторонам, наблюдая, все ли видят, с каким героем посчастливилось ему пройти. Но большинство жителей рабочей слободки, включая его приятелей, были на работе, и только несколько совсем уж маленьких мальчишек и девчонок с восторгом увязались за ними, гордо маршируя по весенним лужам босыми ногами.

– А почему тебя Стеша женишжом назвала? – поинтересовался Будищев.

– Так мы давно договорились, что я подрасту и женюсь на ней. То есть сначала, конечно, мастеровым стану, как батя. Он у меня – токарь! А потом посватаюсь!

– Что, прямо так и договорились?

– Ага! То есть это я ей говорил, а она смеялась, но раз не прогнала – значит, согласна! Так ведь?

– Ну, если не прогнала и по шее не треснула, наверное, согласна.

– По шее треснула, – признался поскуцневший Семен. – Но не прогнала...

– Тогда даже не знаю, – пожал плечами унтер. – Женщины они, брат, загадочные существа! Никогда не угадаешь, что у них на уме!

---

<sup>11</sup> Басын – так назывались тогда лычки на погонах.

– Это точно, – солидно шмыгнул носом потенциальный жених Степаниды Филипповой и в очередной раз сбил с ноги, шагая рядом с Будищевым.

Ипполит Сергеевич Крашенинников ехал на извозчике, погруженный в глубокие раздумья. Встречая иногда знакомых, особенно дам, он прикладывал руку к полям щегольского цилиндра, не забывая любезно улыбаться при этом, но мысленно он был так далеко, что никто и представить себе не мог как. Происходя из весьма достойной и небедной семьи староверов, Ипполит Сергеевич успел получить хорошее образование, открыть свое дело и преуспеть в нем. Большинство людей его возраста и положения страдали разве что от пресности и унылости жизни, отводя душу лихими купеческими загулами. Но господину Крашенинникову жгли сердце многочисленные обиды и гонения, которые его единовверцы потерпели со стороны никоиан, еще со времен недоброй памяти царя Алексея Михайловича, которого в казенных учебниках отчего-то называли Тишайшим.

Впрочем, сам Ипполит Сергеевич был далек от религии. Наоборот, он, как человек мыслящий, был ярким противником как православных попов, так и духовных лидеров старообрядцев. И те, и другие казались ему в лучшем случае скучными схоластами, оторванными от реальной жизни, а в худшем – прожженными лицемерами, превратившими веру в доходное дело. Но как бы дурно он ни относился к служителям культа, правительство и особенно – царя он ненавидел еще больше. Александр Второй казался ему воплощением всего мерзкого, лживого и отвратительного в русской действительности. Убить его казалось ему делом, безусловно, правильным и полезным. Ведь вся эта ужасная, подавляющая все живое машина самодержавия, подобающая более туркам или персам, а не европейской стране, беспощадно и тупо давила все ростки нового. Великие реформы начала царствования, так обнадежившие всех прогрессивных людей, были остановлены. Возвысивших голос против угнетения – гноили в тюрьмах. И весь этот бездушный механизм держался лишь на одном стареющем сластолюбце, и если убрать из него скрепляющий стержень самодержца, он непременно рассыплется на мелкие осколки, сквозь которые прорастут ростки новой жизни. Наверное, поэтому он и пошел в террор.

– Господин Крашенинников! – раздался совсем рядом хриплый голос, вернувший, наконец, Ипполита Сергеевича в реальность.

– Придержи-ка, любезный, – дотянулся он своим зонтиком до спины извозчика, и тот послушно натянул поводья.

– Господин Крашенинников, – подбежал к коляске худощавый человек неопределенного возраста в драном пальто и облезлой шапке, некогда бывшей каракулевой. – Как хорошо, что я вас встретил. Нам совершенно необходимо поговорить!

– Ах, это вы? – приподняв бровь, спросил купец. – Садитесь!

Тот, не теряя ни минуты, залез в коляску и плюхнулся на сиденье рядом.

– Трогай, скотина! – велел Ипполит Сергеевич и снова толкнул зонтиком в спину вознице.

– Если бы вы знали, что со мной приключилось! – с жаром начал говорить встреченный им господин, но Крашенинников прервал его:

– Не здесь!

Впрочем, через четверть часа они достигли трактира, где купец заказал отдельный кабинет, в котором они, наконец, смогли побеседовать.

– Какими судьбами, Алексей?..

– Аполинарьевич.

– Да-да, конечно. Алексей Аполинарьевич.

– Как вы, вероятно, знаете, я был направлен на работу в сельскую местность, чтобы вести агитацию среди крестьян.

– Исполать вам, – равнодушно ответил Ипполит Сергеевич.

- Вы не верите в возможности пропаганды?
- Нет.
- Хм. Хотя я в последнее время тоже очень сильно разочаровался в этом деле!
- Вас стали бить?
- Откуда вы знаете?!
- Я просто так сказал.
- А... понятно. На чем я остановился?

В этот момент показался половой, принесший заказанные ими для виду чай и пироги. Пока разбитной ярославец с угодливой улыбкой раскладывал заказ на столе, они молчали, но как только он вышел, Крашенинников ответил:

- Вы остановились на том, что разочаровались в пропаганде.
- Да-да, – продолжил с набитым ртом Алексей. – Совершенно разочаровался!
- Вы голодны?
- Нет, то есть – да. Изволите ли видеть, почти двое суток ничего не ел. Простите великодушно!
- Ничего страшного. И что же вам угодно?
- Я хочу участвовать в настоящем живом деле, а не в этом убогом балагане. Эти крестьяне и попы – сущие ретрограды, стоящие за тирана ничуть не менее, чем казаки или самые реакционные из помещиков. Прирожденные рабы!
- Что вы говорите! Но отчего же вы пришли к подобным выводам?
- Как я уже говорил, в последнее время я работал в одной деревне под Рыбинском. Народ там темный и, несмотря на нищету, а может, и благодаря ей – забитый до ужаса. Я долго пытался их расшевелить, пробудить хоть как-то их человеческое достоинство, но все тщетно!
- Очень интересно!
- Вот именно! Но самое ужасное, что меня с самого начала невзлюбил тамошний священник. Редкостная скотина, доложу я вам!
- Что так?
- Ну, он сразу распознал мою агитацию и сказал односельчанам, что если они не выгонят меня, то появится полиция и всем будет плохо!
- Хм. И ведь нельзя сказать, что он не прав! И чем же все кончилось?
- Они потребовали, чтобы я убирался, а когда я отказался...
- Вас стали бить?
- Да, – поник головой неудачливый агитатор. – Я готов был положить свою жизнь на алтарь просвещения, а они...
- И как же вам удалось спастись?
- О, это очень интересная история! За меня заступился отставной солдат.
- Что вы говорите?!
- Да, именно так.
- И чем же вы вызвали такую симпатию? Или он сторонник прогресса и противник существующих порядков?
- Боюсь, что нет. Я пытался агитировать его, но он сразу отказался меня слушать и пообещал оторвать голову, если я буду приставать к нему с ерундой.
- И почему же он передумал?
- Не знаю. У меня сложилось впечатление, что он просто враждует со всей остальной деревней и был бы рад досадить им.
- Каково!
- Да-да, именно так. Кстати, он первый кулачный боец в тех краях, и когда он заступился за меня, добрая половина мужиков тут же разошлась, не желая принимать участие в потасовке.
- А вторая?

- Что вторая?
- Вторая половина. Ну, тех, у кого желание подраться не пропало?
- О, им пришлось несладко!
- Даже так?
- Именно так. Это просто какой-то ужас творился, как даст одному в лоб – тот и лежит, будто покойник. Потом другому, потом третьему, а когда один из мужиков попробовал схватиться за оглоблю, он пообещал ему ее засунуть прямо в...
- Спасибо, я понял, куда именно! И чем же все кончилось?
- Я сбежал!
- Что значит сбежал?
- То и значит. Я очень испугался. К тому же моя миссия явно кончилась крахом, и в моем дальнейшем присутствии не было ни малейшей необходимости.
- И вы бросили своего заступника одного?
- А что мне оставалось делать? Вы бы видели этих людей... да они же дикие, разве что сырым мясом не питаются! К тому же этот солдат и без меня прекрасно справлялся, пока не подоспел этот ужасный отец Питирим.
- И как же звали этого солдата?
- Не помню, кажется, Дмитрием.
- Любопытно... опять солдат из-под Рыбинска...
- Простите, а можно я еще покушаю?
- Да-да, конечно. Вы пока ешьте, а потом пойдете по этому адресу. Я предупрежу, вам там помогут.
- Большое спасибо. Вы не представляете, как я вам благодарен!
- Не стоит. И не торопитесь так, у вас еще уйма времени. Это мне пора.
- Вы уже уходите?
- Да. Дела, знаете ли.
- Простите, а вы не знаете, кто такой Троцкий?
- Э... кто?
- Троцкий.
- Нет, а что?
- Просто этот солдат, Дмитрий, когда я пытался его агитировать, сказал мне, будто я... как бы это... лгу, как Троцкий. Я думал, может, вы знаете?
- Никогда не слышал!

На заводе появление Будищева в парадной форме не осталось незамеченным. Только что начался обеденный перерыв, затих шум станков, стук инструмента, и мастеровые группами и поодиночке покидали рабочие места. Те, кто жил неподалеку, спешили домой, чтобы пообедать. Другим узелки с немудрящей снедью принесли дети. Третьи доставали харч из котомок и устраивались, где придется.

Степаных с самого утра чувствующавший себя не в своей тарелке, едва прозвучал гудок, поспешно оставил свой пост и почти рысью направился на выход.

– Что это с ним? – недоуменно спросил один из подручных – молодой парень с чудным именем Афиноген.

– Да какой-то постоялец у него объявился, – угрюмо пояснил рябой слесарь Прошка. – Вот и торопится, старый хрыч!

– А зачем?

– Затем, что дочка без присмотра осталась.

– Зря ты так, – насупился сообразивший, наконец, в чем дело, парень. – Стеша – девушка хорошая!

– Все бабы – шкуры! – зло мотнул головой слесарь и сплюнул.

Несмотря на несогласие, никто не стал ему возражать. Во-первых, у Прохора был взрывной характер и тяжелая рука. А во-вторых, все знали про его горе. Несколько лет назад от него ушла жена, и с тех пор нрав некогда спокойного и обстоятельного мужика совершенно переменялся. Он стал крепко выпивать, буянить, драться с соседями и грубить мастерам на фабрике. Последнее приводило к тому, что его постоянно штрафовали, и получать за работу оставались самые пустяки, что тоже не улучшало характер несчастного слесаря. Все шло к тому, что Прохора выгонят, но пока что спасало мастерство, которое, как известно, не пропьешь.

Филиппов, не слушая пересудов за спиной, молча шагал вместе с другими рабочими к фабричным воротам, как вдруг людской поток притормозил.

– Кто это? – раздался совсем рядом удивленный возглас.

Подняв глаза, Аким Степанович увидел стоящего у ворот рослого унтера, увешанного крестами, в котором не без удивления признал своего постояльца.

– Ишь ты! – только и смог выговорить машинист.

Все утро он корил себя последними словами за то, что пустил незнакомого человека в дом. Правда, вышло это само собой. Не оставлять же его было на улице, тем более что сам взялся проводить? А потом Дмитрий достал водку, и Степаныч понемногу утратил контроль за ситуацией. Надо сказать, что выпить он любил, но обычно жался. Все-таки дочка уже почти на выданье, надо приданое копить. Он и за угол заломил целых пять рублей в надежде, что непонятный ему человек пойдет на попятный. А тот, сукин сын, возьми и согласись! С другой стороны – деньги-то не лишние. К тому же если этот самый Будищев и впрямь служил писарем, да еще и георгиевский кавалер...

Как всякий родитель, Филиппов желал своей дочери счастья, хотя и понимал его сугубо по-своему. Иными словами, он хотел удачно выдать ее замуж за порядочного, а главное – небедного человека. Хорошо бы за сына мастера, но тот учится в гимназии, и его отец, пожалуй, на дочке машиниста жениться ему не разрешит. Можно за Архипа – приказчика в лавке, но тот, чего доброго, будет чваниться перед тестем и через губу разговаривать...

– Здорово. Дядя, – с усмешкой поприветствовал хозяина квартиры унтер.

– И тебе не хворать, – отвечал Степаныч. – Я гляжу, одежду-то прикупил?

– Нравится?

– Подходяще. Ты говорил, что тебе завтрева на работу?

– Да вот, вызвали. Только успел покупки Стеше отдать да пообедать. Ты, кстати, потопливайся, а то остынет.

– Вот спасибо! Ты всегда такой заботливый?

– Нет, только к родне. Дядюшка.

Неизвестно, сколько бы они еще препирались, но тут от заводской конторы отъехал хозяйский экипаж, и идущим через ворота рабочим пришлось посторониться, чтобы его пропустить. Но пролетка неожиданно остановилась перед проходной, и сидящий на пассажирском месте Барановский крикнул:

– Будищев, давайте сюда!

Дмитрий подмигнул на прощание Филиппову и запрыгнул в коляску. Причем сел не на облучок к кучеру, а плюхнулся рядом с Владимиром Степановичем, как будто и сам был барин. Возничий легонько тронул вожжи, и застоявшийся рысак, весело цокая копытами, стремительно рванул вперед.

– Кто это? – подозрительно глядя на машиниста, спросил сосед Ерофей.

– Племяш из деревни приехал. Двоюродный.

– А чего это он с господами?

– Ну, так большого ума человек! – снисходительно пояснил непонятливому Степаныч и, засунув руки в карманы, с независимым видом пошагал домой.



Тем временем Барановский, критически осмотрев наряд своего подопечного, спросил:

– А разве сейчас по форме шинель не полагается?

– Полагается, – пожал плечами Будищев.

– И где же она?

– Самому интересно. Доведется вернуться в деревню – спрошу с пристрастием.

– Ладно, это пустяки. Не замерзнете же?

– Нет. С утра, как дурак, в полушубке поперся, думал, сопрею!

– Да уж. Днем солнышко уже хорошо пригревает. Кстати, отчего вы не спросили, куда мы едем?

– Сами расскажете. В крайнем случае, как приедем – увидим.

– Все-таки вы весьма занятный человек.

– Есть немного.

– Ну, ладно. Расскажу, отчего бы не рассказать. В общем, дело с вашей комиссией можно полагать решенным. Вчера мой кузен за партией виста имел разговор с одним чиновником из Главного медицинского управления. В ближайшее время вы пройдете между Сциллой и Харибдой наших эскулапов, и вас комиссуют. С полицией, я полагаю, тоже проблем не возникнет, и вид вы получите. Главное, чтобы вы и здесь не устраивали побоищ, как дома.

– Да не устраивал я никаких побоищ! – усмехнулся Дмитрий. – По-хорошему, мне Фогель еще благодарен должен быть.

– Полицмейстер?!

– Ну да. Селяне наши во главе с отцом Питиримом собирались местного учителя немножечко линчевать, а я не дал случиться беззаконию.

– Очень интересно! А ведь раньше вы всячески уклонялись от рассказа о происшедшем. Кстати, мне в полиции поведали совсем другую историю.

– Понятное дело! Спасенный слинял. Свидетелей не было, а те, что были, против пощады не пойдут, не говоря уж о том, что по деревенским понятиям – они в своем праве.

– А правда ли, что он учитель занимался противоправительственной пропагандой?

– Было дело, занимался. Среди баб деревенских. Да добро бы еще только среди баб, а то ведь и девок незамужних агитировать пытался.

– Так его за это убить пытались?

– В основном за это.

– А вы вступились?

– Да у меня как-то накопилось к мужикам нашим. Ну и к батюшке заодно. Я, вообще-то, как раз в город собирался. Ну и пошел к старосте, уведомить, значит. А тут такой гай-гуи-сабантуй! Волокут этого самого Аполинарьевича и кричат, что он, подлец эдакий, Машку – племянницу старосты нашего, испортил.

– И вам стало его жаль?

– Немного. Тем более что с Машкой он точно не виноват.

– А вы откуда знаете?

– Владимир Степанович, не задавайте неудобных вопросов – не получите уклончивых ответов! Ну, в общем, учителя я у них отбил, паре-тройке особенно усердных в бубен настучал, а вот за отцом Питиримом не уследил. Не привык я, что попы эдак свою паству благословляют. Ну, а дальше вы знаете.

– Но ваш полицмейстер, как вы сказали – Фогель? Так вот, он мне ничего о конфликте со священником не рассказывал.

– Так отцу Питириму этот скандал тоже никуда не уперся. К тому же Фогель в курсе его махинаций и, при надобности, запросто может организовать ему неприятностей на ровном месте. И поедет наш батюшка каких-нибудь чукчей духовно окормлять.

– А что за махинации, если не секрет?

– Да так... лучше расскажите, что у вас за планы на меня? Я вашу фабрику видел, никакой гальванической или электрической мастерской у вас нет.

– Пока нет. Но это очень перспективное дело, а вы, кажется, недурно разбираетесь в нем?

– Немного.

– Бросьте. Ваша скромность делает вам честь, но сейчас она неуместна. Сейчас, ради эксперимента, делают электрическое освещение на мосту императора Александра II<sup>12</sup>. Вот-вот должны окончить работы. И если дело пойдет, очень многие богатые и знатные люди захотят себе такую новинку.

– Вполне возможно.

– Вот-вот. Другое направление, то, что вы называете – автоматическим оружием. Сейчас, конечно, энтузиазм в военном ведомстве поутих, но кто знает, как оно повернется завтра?

– А что с беспроводным телеграфом?

– А им вы займетесь сразу же после доставки необходимого оборудования, что случится довольно скоро. Я навел все необходимые справки и, как только будет готов действующий образец, займусь оформлением патентов. Причем не только у нас, но и за границей.

– Это все, конечно, интересно, но куда мы сейчас направляемся?

– Все-таки не выдержали? – засмеялся Барановский. – Сейчас в штаб, отметить ваше прибытие. Затем я вас отпущу, а сам отправлюсь на полигон. Комиссия из ГАУ меня заждалась.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, а почему вы спрашиваете?

Будищев на минуту сбросил с себя маску безразличия и, пытливо взглянув в глаза инженера, осторожно подбирая слова, ответил:

– Да как вам сказать, Владимир Степанович. Просто каждый раз, когда вы вспоминаете про эти испытания, у вас такой вид, будто на расстрел собираетесь.

Лицо изобретателя дернулось, как от нервного тика, и сквозь маску деланого веселья проступило отчаяние. Некоторое время он молчал, собираясь с мыслями, затем прочистил горло и с неподдельной горечью сказал:

– А от вас ничего не скроешь.

– Что, угадал?

– Можно сказать и так.

– И в чем проблема?

Барановский тяжело вздохнул. Он не любил посвящать других в свои неприятности, но тяжесть, навалившаяся на него в последнее время, была слишком велика, и ему до смерти захотелось с кем-нибудь поделиться ею.

– Понимаете, Дмитрий, – начал говорить он, от волнения перескакивая с одного на другое. – Я в эту пушку душу вложил! А они – неустойку! Я им говорил – снаряды транспортировать надобно аккуратно, а они их валом! Капсюля старого образца – непредохранительного типа! А они – контракт выполнен с опозданием! Неустойка!

– И что, большая неустойка? – вычленил главное из взволнованной речи инженера Будищев.

– Более шестидесяти тысяч рублей!

– Не кисло! – хмыкнул унтер. – И у вас таких денег нет?

– Нет. Правда, не все так плохо. Как изобретателю мне причитается награда в тридцать две тысячи рублей. Даже если начет не снимут, то долг перед казной будет в половину меньше. Впрочем, половины у меня тоже нет.

– И что делать?

---

<sup>12</sup> Ныне этот мост называется Литейным.

– Все зависит от комиссии. Если удастся благополучно отстрелять пробную партию, то начет с меня снимут. А если я все-таки получу вознаграждение, то...

– Владимир Степанович, – перебил его Дмитрий. – А возьмите меня с собой?

– Зачем?

– За надом. Просто возьмите, и все. Пригожусь.

– А давайте! Все равно дел по вашей специальности на фабрике, действительно, пока нет. А Петр Викторович очень не любит, когда люди, которым он платит жалованье, сидят без дела. Поэтому пока что вы будете при мне. Человек вы бывалый, посему, полагаю, ваш совет лишним не будет.

Громкое название полигона носил большой пустырь за городом, изрытый воронками от разрывов. Все более пригревавшее солнышко превратило замерзшую землю в непролазную грязь, в которую никому не хотелось лезть. На самом краю сиротливо стояло одинокое орудие, вокруг которого потерянно толпились хмурые солдаты в серых шинелях. Командовал расчетом молодой прапорщик – совсем еще мальчишка, как видно, совсем недавно выпущенный из юнкерского училища. Ждали приезда инженера Барановского, изобретшего это самое скорострельное орудие. Оный изобретатель должен был оценить годность патронных выстрелов и дать свою экспертную оценку о возможности их дальнейшего использования.

Дело заключалось в том, что новомодные (и очень дорогие) гильзы были помяты из-за небрежного хранения во время боевых действий. По-хорошему, их следовало бы списать, как пришедшие в негодность. Но с этим были категорически не согласны чиновники из интендантского ведомства.

Когда появился экипаж, доставивший на полигон инженера, прапорщик облегченно вздохнул и, приказав артиллеристам готовиться к испытаниям, направился навстречу новоприбывшим. Молодой человек был не чужд прогрессу и либерализму, а потому считал неприличным подчеркивать свое превосходство перед статскими.

– Добрый день, – поприветствовал его вылезший из коляски Барановский.

– Здравия желаю! – звонко отозвался молодой человек. – А мы вас заждались...

Но тут случилось нечто такое, отчего офицер едва не лишился дара речи. Вслед за изобретателем из экипажа появился нижний чин, очевидно, прибывший вместе с ним. Прапорщик сначала подумал, что это юнкер или вольноопределяющийся, однако погоны неопровержимо свидетельствовали, что перед ним пехотный унтер-офицер. Причем настолько наглый, что даже не подумал выйти первым и помочь инженеру выбраться.

– Здравия желаю вашему благородию, – поприветствовал он прапорщика, но именно что поприветствовал.

Не гаркнул, вытянувшись во фрунт, подобострастно взирая на начальство, а просто сказал, не забыв, правда, отдать честь. На глазах молодого человека рушились основы мироздания, и спустить этого было никак нельзя. Однако прежде, чем успел он обрушить на нечестивца свой гнев, глаза его остановились на увешанной крестами груди. Знак отличия Военного ордена у нижнего чина, после прошедшей войны, был не такой уж редкостью, но вот полный бант – был событием явно неординарным. Унтер-офицерские басыны и светло-бронзовая медаль за участие в боевых действиях дополняли картину. Но самое главное, сам Барановский воспринимал соседство с унтером как нечто само собой разумеющееся, поэтому офицер решил повременить с возмездием.

– Прапорщик Штиглиц, – сухо представился он.

– Барановский Владимир Степанович, – улыбнулся инженер и протянул руку.

– Людвиг Александрович, – закончил церемонию знакомства молодой человек и обменялся с изобретателем рукопожатием.

– Весьма рад, а где поручик Петропавловский?

– К сожалению, он захворал и не может командовать испытаниями.

– Печально. Надеюсь, ничего серьезного?

– Прошу прощения, но не осведомлен, – пожал плечами прапорщик, а затем, не выдержав, спросил вполголоса: – А кто это с вами?

– Унтер-офицер Будищев, – еще раз козырнул наглый унтер, с интересом разглядывавший окружающих.

– Это мой сопровождающий, – поспешил успокоить молодого человека Барановский и тут же поспешил перейти к делу: – Показывайте, что тут у вас?

Получив приказ прапорщика, солдаты открыли стоящий неподалеку от орудия передок и начали вынимать из него снаряды и раскладывать их на длинном и узком, грубо сколоченном, столе. Одни из них выглядели относительно пристойно, на жестяных гильзах других имелись вмятины, трети и вовсе были помяты до неприличия. Инженер принялся внимательно осматривать снаряды, делая при этом пометки карандашом в записной книжке.

– Вы что их – насыпом хранили? – удивленно спросил суесящихся артиллеристов Будищев.

– Тебе какое дело, пехотский? – буркнул в ответ рослый фейерверкер.

– Никакого, – пожал плечами Дмитрий и, сплюнув от досады на землю, отошел прочь.

– Вот и не лез бы, куда тебя не просят!

Между тем на полигоне появились новые действующие лица. Впереди размашисто шагал руководитель испытаний – генерал от артиллерии Фадеев. За ним мелко семенил исправляющий должность начальника полигона – полковник Эрн. Следом, чуть отстав, шли остальные офицеры. Среди последних выделялся своим независимым видом представитель Главного штаба – подполковник Мешетич.

– Здравствуйте, господин инженер, – поприветствовал Барановского генерал и покровительственно протянул руку, которую тот с почтением пожал. – Ну что, Владимир Степанович, сами видите, в каком состоянии ваши хваленые снаряды.

– Именно так-с, – поспешил поддакнуть Эрн.

Со стороны эта пара – высокий сухопарый генерал и низенький полный полковник, выглядела довольно комично; но смеяться, глядя на них, совершенно не хотелось.

– Я уже высказывал свое мнение, ваше высокопревосходительство, – обреченно махнул головой изобретатель.

– Тогда приступим?

– Как вам будет угодно.

– Значит, так! – в голосе Фадеева прорезалась сталь. – Целые снаряды убрать!

– Сию же секунду! – преданно подхватил начальник полигона.

Пока артиллеристы выполняли приказ, подполковник<sup>13</sup> Мешетич, сделав, как бы случайно, несколько шагов в сторону, оказался рядом с Будищевым.

– Ты что здесь делаешь? – вполголоса спросил он унтера, не поворачивая к нему головы.

– Мимо проходил, ваше высокоблагородие!

– Ну-ну, – отозвался Мешетич и, казалось, совершенно потерял интерес к странному нижнему чину.

– Надеюсь, господин Барановский, – продолжил генерал, как только на столе остались только поврежденные снаряды, – вы помните условия испытаний?

– Разумеется! – кивнул тот. – Нужно сделать не менее тридцати выстрелов, тогда испытания будут сочтены успешными.

– Замечательно! С какого вам будет угодно начать?

---

<sup>13</sup> За участие в войне штабс-капитан гвардейской артиллерии Мешетич был произведен в капитаны и в том же году переведен в армию с преимуществом в два чина.

– Мне это безразлично, ваше высокопревосходительство! Тем паче, что их осталось всего тридцать!

– Разве? – картинно удивился генерал. – А ведь и верно. Ну, что же, тем меньше расходов для казны. Вы что-то хотели сказать, Владимир Степанович?

По лицу Барановского было видно, что ему много что хотелось сказать генералу, но он сдержался. Вместо этого инженер осмотрел лежащий с краю стола снаряд и, после обмера и описания повреждений, велел подать его к орудию.

– Заряжай! – скомандовал Штиглиц.

– Ваше высокопревосходительство, – подобострастно обратился к генералу Эрн, – по инструкции полагается отойти от орудия на двадцать пять шагов.

– Да-да, – покивал головой тот и, уже сделав первый шаг, спохватился и, обернувшись к инженеру, позвал его с собой: – Владимир Степанович, а вы что встали? Извольте отойти.

– Позвольте мне остаться на месте, – мотнул головой тот. – Лучше прикажите отойти канонирам, а я тут – главный ответчик.

– Канонир – суть солдат, господин изобретатель. Ему не должно живота своего жалеть на службе государю и отечеству. Впрочем, как угодно!

Барановский, не дожидаясь ответа, уже скинул щегольское пальто и, отодвинув заряжающего, сам стал к замку. Патрон с глухим лязгом вошел в ствол, затем инженер щелкнул затвором, и длинный ребристый поршень вошел в камору. Затем замковой повернул рукоять с шаром-противовесом, и затвор сцепился с нарезками гнезда казенника, щелкнув при этом, как замок на воротах в преисподнюю.

– Готово!

– Огонь!

Раздался выстрел, и подпрыгнувшая на месте пушка окуталась сизым облаком порохового дыма. Артиллеристы с облегчением вздохнули и только что не перекрестились, а не вовремя спохватившийся Будищев, как только к нему вернулся слух, озабоченно спросил у фейерверкера:

– Слышь, служивый, а где окоп?

– Какой еще окоп?

– Для расчета!

Тот в ответ лишь удивленно посмотрел на странного пехотинца, но, ничего не ответив, продолжил командовать подчиненными.

– Что такое? – строго спросил прапорщик, заметивший краем глаза разговор двух унтеров.

– Ваше благородие, – вытянулся Дмитрий. – А где расчету укрываться? Мало ли...

– Что?! – процедил сквозь зубы Штиглиц. – Испугался?

– Очень, господин прапорщик!

В голосе георгиевского кавалера было столько презрения и неприкрытой насмешки, что молодой офицер вспыхнул как мак.

– В самом деле, Людвиг Александрович, – вмешался инженер. – По инструкции должно быть укрытие!

– Должно, – скрипнул тот зубами. – И приготовлено. Только в последний момент приказано перенести испытания сюда. А вот шанцевого инструмента взять не разрешили!

– Как это прикажете понимать?

– В любом случае этот вопрос не ко мне, господин изобретатель! И вообще, вас приглашали отойти в безопасное место. А у меня – приказ!

– Черт знает что такое!

Делать было нечего, и проверка продолжилась. Каждый новый снаряд осматривали, записывали повреждения, заряжали, а затем следовала команда:

– Огонь!

– Угробить хотят вас, Владимир Степанович, – мрачно заметил Будищев, наблюдая за происходящим. Однако его слова заглушил выстрел.

Все время испытаний Дмитрий провел рядом с расчетом, мучительно раздумывая, что можно предпринять. Увы – ничего не приходило в голову, но всякий раз перед выстрелом сердце его замирало, а затем начинало биться вновь.

– А что это за пехотный унтер? – обратился, наконец, на него внимание Фадеев. – Да-да, этот, с полным бантом!

– Не могу знать, ваше высокопревосходительство! – недоуменно отозвался Эрн.

– Вы не знаете, кто находится у вас на полигоне? – иронически приподнял бровь генерал.

Испытания тем временем продолжались. В какой-то момент показалось, что все окончится благополучно. Помятые гильзы, хоть и с некоторым натягом, попадали в зарядную камору, с грохотом выбрасывали снаряд, а затем штатно извлекались выбрасывателем. Наконец, остался последний патрон. Гильза его была помята несколько более остальных, однако, по расчетам Барановского, повреждения были в пределах нормы. Тем не менее, при попытке зарядить его, он застрял, да еще в самом конце, когда до края оставалось совсем чуть-чуть.

– Разряжайте, – махнул рукой инженер.

Однако сказать это оказалось легче, чем сделать. Как ни старались артиллеристы, но вытащить патрон никак не получалось. Артиллеристы, кряхтя от натуги, тянули его специальными щипцами, но все было тщетно. Проклятый снаряд туго сидел в каморе и не собирался никуда двигаться.

– Вашбродь, – обратился к прапорщику фейерверкер. – Его, анафему, надоть затвором дослать!

– Опасно, – покачал головой Штиглиц.

– Дык не получается по-другому!

– А получится?

– Да куды она денется!

– Возможно, он прав, – осторожно сказал Барановский. – Во всяком случае, я не вижу иной возможности.

– Вы с ума сошли?! – едва не заорал на него Будищев, нервы которого, наконец, не выдержали.

– Что? – удивленно обернулся к нему изобретатель.

– Владимир Степанович! Бросьте это гиблое дело, у вас же не девять жизней...

– Послушайте, – не выдержал офицер. – Я не знаю, откуда взялся этот ваш унтер, но он прав. Стрелять этим снарядом нельзя!

– Вы не понимаете, – устало покачал головой инженер. – Это последний снаряд. Если не закончить серию – испытания признают неудавшимися, и тогда все пропало!

– Можно взять другой снаряд из передка!

– Вы же слышали генерала...

Глядя, как спорят офицер с инженером, Дмитрий подумал было, что опасность миновала, и с облегчением перевел дух. «Похоже, на этот раз пронесло», – решил он с облегчением. Однако отвернувшись от спорщиков, унтер с ужасом увидел, как фейерверкер взялся за рукоять затвора и, размахнувшись, попытался исполнить свое намерение. Барановский с Штиглицем этого не видели, поскольку стояли к орудию спиной, но у Будищева от этого зрелища полезли глаза на лоб. Поняв, что от возможной катастрофы их отделяют какие-то мгновения, он, чувствуя, что не успевает, бросился вперед и, сбив с ног прапорщика и инженера, накрыл последнего своим телом.

Как и следовало ожидать, попытка протолкнуть недосланный снаряд затвором кончилась преждевременным выстрелом. Фейерверкера убило на месте. Еще двух солдат ранило оскол-



ками, но Барановский и Штиглиц отделались легким испугом и испачканным в грязи полигона платьем. Ошалело переглядываясь, они поднялись на ноги. Их спаситель, тяжело дыша, стоял рядом, вытирая рукавом лоб. Кепи с головы унесло взрывной волной, левый погон висел на одной ниточке, но в целом казалось, что с ним все в порядке.

– Вас ист дас?<sup>14</sup> – потрясенно спросил прапорщик, от волнения перейдя на родной язык.

– Дас ист фантастишь!<sup>15</sup> – прохрипел в ответ Будищев одну из немногих известных ему немецких фраз.

– Что? – обернулся к нему офицер, очевидно, плохо слышащий из-за контузии.

Унтер, проигнорировав вопрос, огорченно осмотрел пострадавшую форму и чертыхнулся в сердцах:

– Твою ж дивизию, мундир-то почти новый!

– Вы ранены? – с тревогой спросил Барановский, увидев, что спина его спасителя посечена осколками. – Надо бы врача!

– Дежурный врач во время испытаний не помешал бы, – согласился с ним Дмитрий. – Ну, или хотя бы фельдшер.

К концу испытаний члены комиссии уже почти поверили, что они закончатся благополучно, и даже генерал в значительной степени утратил свой скепсис. Так что раздавшийся взрыв оказался для всех полной неожиданностью. Убедившись, что больше ничего не взрывается, они гуськом проследовали к месту трагедии, чтобы убедиться во всем лично.

– Что у вас случилось? – строго спросил у прапорщика Фадеев.

– Ваше высокопревосходительство, – начал тот доклад. – Последний снаряд был слишком деформирован, и при попытке зарядить его – застрял. Фейерверкер Кастеев, вопреки моему приказу, попытался дослать его затвором, отчего произошел преждевременный выстрел. Фейерверкер погиб, два канонира ранены. Также ранен унтер-офицер Будищев. Осмелюсь обратить внимание вашего высокопревосходительства, что последним ранение получено, когда унтер-офицер, спасая, накрыл нас с господином инженером своим телом!

– Экий удалец! – бесстрастно отозвался генерал. – Кто таков?

– Сто тридцать восьмого Болховского полка унтер-офицер Будищев, – отрапортовал Дмитрий.

– И как же ты, любезный, тут оказался?

– Находясь в отпуске по ранению, поступил на завод господина Барановского!

– Вот как? И он тебя, значит, на испытания взял?

– Так точно!

– Ваше высокопревосходительство, – попытался вмешаться инженер, но Фадеев жестом остановил его.

– Надо бы узнать, что это за болезнь у тебя такая? – подозрительно заметил он. – Война год как окончилась, а ты все лечишься... за что хоть кресты у тебя?

– Генерала подстрелил! – отрапортовал Будищев, с прищуром, будто целясь, посмотрев на собеседника. И заметив, как тот переменился в лице, добавил: – Турецкого, ваше высокопревосходительство!

– Что?!

Некоторое время Фадеев раздумывал, не зная, что предпринять. С одной стороны, несчастные случаи на испытаниях случались и раньше, и никто бы из этого не стал делать трагедии. На все воля Божья! С другой, пострадал нижний чин из совершенно посторонней части, а это могло привести к нежелательной огласке. И, наконец, оный нижний чин совершил, как

---

<sup>14</sup> Вас ист дас? – Что это? (нем.)

<sup>15</sup> Дас ист фантастишь! – Это фантастика! (нем.)

ни крути, подвиг, предусмотренный статутом Знака отличия Военного ордена, не говоря уж о том, что он сам – бантист! Да к тому же еще и дерзок, мерзавец...

– Испытания прекратить! Погибшего в церковь, раненых в лазарет, – распорядился он и обернулся к инженеру: – Как видите, господин Барановский, испытания ваших снарядов закончились несчастьем. Сами понимаете, что в таком случае мы с членами комиссии не можем подписать протокол!

– Но ваше высокопревосходительство! Эти снаряды из первой партии. Те, что делают теперь – совершенно надежны!

– Ничем не могу помочь, господин изобретатель! – решительно отмахнулся генерал и скорым шагом направился прочь.

Члены комиссии дружно потянулись за ним, и только Мешетич на секунду задержался у поврежденного орудия.

– Я доложу начальству о том, *как* проходили испытания, – бесстрастно сообщил он поникшему Барановскому. – Однако на будущее – порекомендовал бы вам научить вашего протеже держать язык за зубами, особенно в присутствии генералов!

Антонина Дмитриевна Блудова в последнее время не часто бывала в Петербурге. При дворе бывшей камер-фрейлине были совсем не рады. Подруг у нее почти не осталось, а тех, что еще были живы, ей и самой не очень-то хотелось видеть. Ведь это были всего лишь тени их прежних.

К тому же у нее было много дел. Благотворительность, которой она посвятила остаток своей жизни, отнимала все ее время. Тем более что после войны появилось множество увечных, нуждавшихся в призрании и помощи. Не покладая рук занималась она этим благородным делом, являя собой пример высокой жертвенности во имя высших идеалов. Венцом ее служения стало основанное в городе Остроге Волынской губернии братство во имя святых Кирилла и Мефодия с учебными заведениями, церковью, больницей и подворьем для паломников. Но иногда графине приходилось оставлять организованную ею обитель и отправляться в Москву или Петербург, с тем чтобы решать многочисленные организационные вопросы или собирать средства, которых всегда не хватало.

Бывая в столице, она всегда останавливалась в отцовском доме. Когда-то там жила вся их семья, часто бывали гости и кипела светская жизнь. Увы, все это было в далеком прошлом. Родители умерли, один из братьев – Андрей – уже лет десять не появлялся в России, будучи посланником при бельгийском дворе. Второй – Вадим, служа в Министерстве иностранных дел чиновником для особых поручений, жил скромно и уединенно, лишь изредка принимая гостей. Надо сказать, что сестре он тоже не очень обрадовался, но не потому, что не любил ее. Просто в последнее время между ними появилось некоторое охлаждение. Слишком уж серьезно восприняла она раздутый газетчиками скандал с его мнимым незаконнорожденным сыном.

Впрочем, Антонина Дмитриевна была дамой, не лишенной такта, а потому не стала сразу же задавать брату неудобные вопросы. Напротив, сначала они мило пообщались за обедом, вспомнив родителей, детство, а также совместные проказы. Затем разговор плавно перешел на знакомых и родственников. Вадим Дмитриевич, однако, был опытным дипломатом и ни на секунду не позволял себе расслабляться. Он знал – раз уж сестре пришла в голову какая-то идея, извлечь ее миром оттуда никак получится, а потому с твердостью в душе ожидал рокового вопроса. Но время шло, а престарелая графиня как будто и не хотела ничего спрашивать. Наконец, она объявила, что устала с дороги и хотела бы отдохнуть.

– Давай я тебя провожу, – поднялся из-за стола Вадим, но сестра остановила его.

– Не стоит, – мягко улыбнулась Антонина Дмитриевна. – Я помню, где моя комната. Позже мы еще побеседуем.

- Как скажешь, – пожал он плечами. – Ты что-то хотела еще узнать?
- А тебе есть что мне рассказать?
- Нет, – сделал невинное лицо Блудов.
- Тогда я пойду.
- Мне нужно будет сделать несколько визитов. Надеюсь, ты не будешь скучать?
- Нет. Но мне тоже следует кое-кого навестить. Я займусь этим сегодня вечером.
- Хочешь, я оставлю тебе экипаж?
- Это было бы просто чудесно! Но я не слишком тебя стесню?
- Нет, что ты, моя дорогая. Я возьму извозчика.
- Спасибо, Вадик.
- Как давно ты меня так не называла, – растроганно улыбнулся брат.

По гулким коридорам госпиталя решительно шагала миловидная женщина в изящной шляпке с вуалью, скрывающей черты ее лица от нескромных взоров. Следом за ней, едва поспевая, шли мальчик-гимназист и гувернантка, ведущая за руку девочку лет шести.

– Вот сюда извольте, барыня, – показал на худо окрашенную дверь провожавший их служитель. – Здесь они, болезные.

- Благодарю, – ответила та и выразительно взглянула на него.

Госпитальный служитель спохватился и, распахнув перед нею дверь, низко поклонился. Женщина с достоинством проследовала внутрь палаты, где лежали пострадавшие при взрыве на полигоне солдаты. Впрочем, лежали только два из них, а третий стоял, облокотившись о спинку кровати, и о чем-то напряженно размышлял.

- Слышь, пехоцкий, о чем ты все время думаешь?
- Как прожить не работая, – тут же ответил тот.
- Ишь ты, – крутанул головой спрашивавший. – И что надумал?
- Хрен получится!
- Эй вы, – слабым голосом перебил их второй артиллерист с перевязанной головой. – Не кричите, Христа ради!

- Ты чего, Архип? – изумился его товарищ. – Мы же едва слышно?
- Контузия у него, – хмуро пояснил пехотинец. – Ему сейчас любой звук – хуже выстрела.

Кошка пройдет – и то покажется, будто слон топает.

- Эва! – недоверчиво прошептал солдат. – А так бывает?
- На войне, браток, и не такое случается.
- Понятно. Ты, как я погляжу, повоевал?
- Было дело.

Тут со скрипом отворилась в дверь, и в палату стали по очереди входить дама, служитель, а за ними гувернантка с детьми. Солдаты, увидев посетителей, тут же замолчали. Но если лежавшие канониры вытянулись как по стойке смирно, то Будищев просто скользнул взглядом по вошедшим и запахнул по сильнее больничный халат.

- Здравствуйте! – обратилась к раненым женщина.
- Здравия желаем, барыня! – нестройно поприветствовали ее в ответ артиллеристы, причем контуженный болезненно поморщился.

- Меня зовут Паулина Антоновна Барановская. Я – жена Владимира Степановича.
- Очень приятно, – тихо, почти шепотом, отозвался Дмитрий.
- А вы, вероятно, Будищев?
- Виновен.
- Я пришла справиться о вашем здоровье и поблагодарить...
- За что?
- Но вы спасли моего папу! – звонко воскликнул выступивший вперед гимназист.
- Не кричи, мальчик!

- Что?
- Я говорю, не надо шуметь в госпитале. Тут раненные, им шум мешает выздоравливать.
- Простите, – извинилась Барановская и положила сыну руку на плечо. – Но Володенька прав, вы спасли мне мужа, а моим детям – отца.
- А где он сам сейчас?
- В Главном артиллерийском управлении. Какие-то дела улаживает.
- Понятно. С ним все хорошо?
- Да, спасибо. Он хотел навестить вас вместе с нами, но задержался, а мы не могли больше ждать. Мы вам так благодарны...
- А почему ты стоишь? – вдруг выпалила до сих пор молчавшая девочка.
- Так получилось, – неожиданно смутился Дмитрий.
- Ты ранетый? – продолжила допрос дочь инженера.
- Мария! – попыталась воззвать к благовоспитанности своего ребенка мать, но та и не думала униматься.
- А куда тебе попало?
- Видишь ли, – с улыбкой отвечал справившийся с волнением Будищев. – Когда мы с твоим папой спасались от взрыва, я оказался сверху, и меня ранило в спину. Так что теперь лежать мне удобно только на животе. Понимаешь?
- Да. А тебе очень больно?
- Нет, что ты. Просто неудобно.
- Простите нашу Машеньку, – поспешила извиниться за дочь Паулина Антоновна. – Она еще маленькая и очень непосредственная...
- Ничего страшного.
- Вам что-нибудь нужно?
- С нами все в порядке. А вот у погибшего фейерверкера остались жена и дочь. Позаботьтесь лучше о них.
- Да, конечно!
- Чудной ты, паря! – покачал головой канонир, когда посетители ушли. – Видать по тебе, что не барин, а держишься с ними, будто с равными.
- А может, я – граф?
- Не, на графьев я несмотрелся. Не похожий ты на них!
- А откуда ты Кастеева знаешь? – страдальчески морщась, спросил Архип.
- Какого Кастеева?
- Ну, дык, фейерверкера нашего. Ты еще про семью его барыне сказал.
- Вон вы про что. Не знал я вашего унтера. А про семью разговор ваш слышал.

Антонина Дмитриевна и прежде бывала в Смольном институте для благородных девиц. Императрица<sup>16</sup> покровительствовала немногочисленным женским учебным заведениям и часто посещала их со своими придворными дамами. В числе последних нередко оказывалась ее камер-фрейлина графиня Блудова. Ей там тоже были рады. Во-первых, она была женщиной весьма образованной и самостоятельной, что само по себе бывало не часто. Во-вторых, она водила дружбу со многими литераторами и сама была не чужда этому высокому искусству. А в-третьих, она была чудесной рассказчицей. У воспитанниц подобных учреждений бывает не так уж много развлечений. Поэтому они рады всякому посетителю, даже такому, что рассказывает юным девочкам назидательные истории. Но Антонина Дмитриевна умела делать это столь увлекательно, что смолянки слушали ее не отрываясь.

---

<sup>16</sup> Мария Александровна Гессенская – первая жена императора Александра II.

Вот и на этот раз, едва строгие классные дамы немного ослабили надзор за своими подопечными, девочки-смолянки окружили ее и попросили что-нибудь рассказать.

– Что же вам рассказать, милые? – добродушно улыбнулась графиня.

– Ах, это все равно! Вы так давно не бывали у нас, и всякая история, поведенная вами, будет нам в радость.

– Вот как? Ну, слушайте. Когда я родилась, мой батюшка служил в Стокгольме советником при тамошнем посольстве. Для меня тогда нашли кормилицу – шведку, которую все звали Дада. Она так и осталась служить у нас до самой своей смерти. Была она женщиной доброй, хотя и немного вспыльчивой, но более всего мне нравились истории, которые она рассказывала девушкам из прислуги, думая, что я заснула. Одну из них я вам сейчас и расскажу.

Жила-была одна бедная, но очень порядочная и благовоспитанная девушка. Родители ее умерли, когда она была еще малюткой, и ей приходилось нелегко, однако ее взяли в услужение в хорошую семью. Однажды к ней посватался один молодой, красивый, с виду добрый и зажиточный человек, о котором, впрочем, никто не имел верных сведений. Однако она полюбила его и дала слово выйти за него замуж. Надобно сказать, что у девушки было много работы и мало свободного времени, и они виделись лишь под вечер, по окончании работ, на опушке соседней рощи.

Так уж случилось, что свадьба их несколько раз откладывалась, но девушка была тверда в своем намерении выполнить данное ею слово. Но поскольку она была не только порядочной, но также наблюдательной и рассудительной, то стала со временем замечать за ним некоторые странности.

– Какие странности? – пискнула одна из воспитанниц, но подружки зашикали на нее, и бедняжка сконфуженно замолчала.

– Согласись, моя дорогая, – мягко улыбнулась графиня. – Это ведь странно и неприлично, когда жених избегает дневного света и ищет встречи со своей возлюбленной только по вечерам?

– Наверное...

– Вот именно. На чем я остановилась? Ах да! Так вот, бедная девушка стала приглядываться к своему жениху и однажды заметила, что у того износились сапоги. Такое, конечно, случается, но – о ужас! – из сапога вместо ноги выглядывает копыто!

Девочки-смолянки только ахнули от такого поворота, некоторые из них вздрогнули от полчищ мурашек, пробежавших по девичьим спинам, другие крепко зажмурились от страха, вообразив себе эту картину. Впрочем, некоторые из воспитанниц нимало не испугались и лишь насмешливо улыбнулись про себя, но им достало ума и такта держать свой скепсис при себе. Между тем Антонина Дмитриевна продолжала свой рассказ:

– Девушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нее билось и замирало, но она не утратила присутствия духа. Она заметила, что жених потихоньку схватил ее за передник, и она, продолжая разговаривать, тихонько развязала тесемку на нем. И только только она успела это сделать, как вдруг жених со всего размаха полетел в воздух!<sup>17</sup>

– Не может быть!

– Да, милые мои. Этот жених оказался чертом, которых, судя по рассказам Дады, много водится в Швеции, но единственной добычей его стал передник бедной девушки, а не она сама. Вот так осмотрительность и храбрость помогли бедной красавице спастись.

– Но разве черти приходят к людям так запросто?

– Что тебе сказать, дорогая моя, – улыбнулась графиня. – Случается такое, что вроде бы совсем обычный человек из хорошей семьи ведет себя ничуть не лучше нечистого! Много раз приходилось мне видеть, когда благовоспитанные с виду юноши пускали на ветер фамильные достояния, разоряли жен и детей и губили тем самым их будущее.

---

<sup>17</sup> Рассказ взят из книги «Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой».

– И что же делать?

– Проявлять осмотрительность, девочки. Точно так же, как это сделала героиня моего рассказа. Да, у плохого мужа и кутилы не растут копыта вместо ног и не пробиваются сквозь прическу рога, однако следы безнравственности бывают ничуть не менее четкими. Нужно лишь видеть их и в решительный момент проявить рассудительность и присутствие духа.

– Какая поучительная история. А с вами бывало нечто подобное?

Такой вопрос вряд ли мог прийти по нраву никогда не бывавшей замужем графине, но она была дамой светской и ничем не показала своего неудовольствия, а поспешила перевести разговор на другой предмет.

– Скажите, а отчего эта девочка столь печальна? – спросила она, указав на одну из воспитанниц, державшуюся особняком.

– Вы про мадемуазель Штиглиц? У нее случилось несчастье в семье.

– Что вы говорите!

– Да, с ее братом. Кажется, разорвалась пушка на полигоне или что-то такое...

– Но он жив?

– Вроде бы – да, но нам не известно решительно никаких подробностей, и бедная Люси места себе не находит от горя!

– Неудивительно. Они, верно, очень близки с братом?

– Ах, он такой красавчик! – не удержалась от возгласа одна из воспитанниц, но тут же смутилась и попыталась скрыться за спинами своих подружек.

– Подойдите, дитя мое, – ласково обратилась Антонина Дмитриевна к грустной девушке.

– Да, ваше сиятельство.

– Я узнала про ваше дело, и мне хотелось бы помочь.

– Мерси.

– Ваши родные, вероятно, сейчас очень заняты и потому не нашли времени известить вас. Но я обещаю, что сегодня же выясню все подробности и дам вам знать.

– Ах, графиня, вы так добры, – заплакала юная баронесса. – Я очень переживаю. Ведь мне совсем ничего не известно!

– Полно, милая. Ручаюсь, до вечера у вас будут вести.

Случившееся на полигоне несчастье неожиданно привлекло к себе много внимания, как со стороны общества, так и высокого начальства. Но если первое традиционно в России имело весьма мало веса, то на второе следовало оглядываться. Поначалу в ведомстве генерал-фельдцейхмейстера хотели это происшествие замолчать. Дескать, что тут такого? Ну, не выдержало испытаний очередное «гениальное изобретение», так что поделаешь? И то сказать, много их сейчас – изобретателей – развелось, и все что-то выдумывают. То, что погиб нижний чин, конечно, печально, но, право же, эта беда и вовсе не велика. Было бы о чем переживать! Но дни шли, а шум не стихал, вызывая у причастных лиц нечто вроде зубовного скрежета.

Возможно, что все дело было в связях Барановских. Как ни крути, но отец изобретателя – профессор, и, вообще, человек со связями. Родные братья служат в гвардии, а у двоюродного свой завод, выполняющий заказы военного и морского ведомств. Кроме того, о происшествии стало известно в Главном штабе, а также в Адмиралтействе. Где у дворян-промышленников тоже были свои люди. Но последней каплей для генерала Фадеева стало внимание со стороны придворных кругов, ожидать которого было совсем уж странно.

Конечно, императрица тяжело больна и в государственные дела почти не вмешивается, но вот поди же ты! Сидит перед его высокопревосходительством не кто-нибудь, а сама камер-фрейлина Марии Александровны и интересуется произошедшим. Хоть та и отошла в последнее время от дел, но только там у них семь пятниц на неделе, и промашки дать никак нельзя!

– Так вы говорите, что с прапорщиком бароном Штиглицем все благополучно?

– Именно так, ваше сиятельство! Что ему – такому bravому молодцу – делается?!

– Но все же пушка разорвалась. Или у вас такое часто происходит?

– Как можно, сударыня! – оскорбился генерал. – Случай, действительно, экстраординарный, но окончившийся все же благополучно. По крайней мере, для вашего протеже. Его, извольте видеть, своим телом солдат накрыл. Спас, так сказать!

– Однако! Вероятно, солдаты очень любят своего офицера, раз уж готовы на такие жертвы.

– Обожают, ваше сиятельство!

– А сам солдат пострадал?

– Ну, разве самую малость! В госпиталь отправили молодца и других пострадавших...

– Так были и другие?

– Были, – чертыхнулся про себя генерал, сообразив, что сболтнул лишнего. – Один погиб да трое раненых. В том числе и спаситель.

– А как зовут этого героя?

– Не знаю, – недоуменно развел руками Фадеев. – Помилуйте, Антонина Дмитриевна, разве их всех упомянешь!

– Но ведь он, если я не ошибаюсь, совершил подвиг, прописанный в статуте Знака отличия Военного ордена?

– Нет, сударыня. Случись это на войне – ваша правда, получил бы крест. А так – разве медаль на Анненской ленте. Да у него и так полный бант, куда ему еще?!

– Четыре Георгиевских креста?

– Ну да. Как же его фамилия-то, – попытался припомнить генерал, но скоро сдался и кликнул адъютанта: – Поручик, извольте принести копию доклада о происшествии.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – щелкнул каблуками тот и отправился выполнять приказание.

Через минуту он вернулся, и графиня Блудова узнала подробности. Оказалось, что тревоги мадемуазель Штиглиц абсолютно беспочвенны. Ее брат несколько не пострадал, а потому родственники, совершенно не ожидавшие, что такие дикие слухи докатятся до Смольного института, не стали извещать малышку Люси о происшествии. Впрочем, опасность юному прапорщику грозила совсем не иллюзорная, но его действительно спас солдат, точнее унтер-офицер, по имени Дмитрий Будищев.

– Как вы сказали?

– Дмитрий Будищев, ваше сиятельство!

– И он георгиевский кавалер?

– Совершенно верно, сударыня. Бантист!

Антонина Дмитриевна на секунду задумалась. Она мало разбиралась в делах военных, но все же некоторое представление о них имела. И потому прекрасно знала, что Знак отличия Военного ордена заслужить нижнему чину совсем не просто. Не говоря уж о четырех. И уж совсем невероятно, чтобы в русской армии был еще один Дмитрий Будищев с полным бантом Георгиевских крестов.

– Где я могу его увидеть? – спокойно спросила она.

– Э... – на секунду задумался адъютант. – Полагаю, барон фон Штиглиц...

– Я вас спрашиваю об унтер-офицере Будищеве! – ледяным тоном прервала его графиня.

Если бы небо разверзлось и на грешную землю вместо живительной влаги пролился каменный дождь, это вызвало бы куда меньшее удивление поручика. Однако будучи человеком опытным, он сумел сохранить невозмутимость и почтительно ответил:

– В госпитале!

– Как туда попасть?

– Если вам будет угодно, я провожу.

– Благодарю, но у меня будет для вас другое поручение. Отправляйтесь в Смольный институт и повторите госпоже Томиловой<sup>18</sup> все, что только что рассказали мне. Если, конечно, его высокопревосходительство не против.

Камер-фрейлина императрицы говорила таким уверенным тоном, что ни у генерала, ни у его адъютанта не возникло и мысли воспротивиться полученному приказу.

– Да-да, поручик, – поспешно согласился Фадеев. – Поезжайте, голубчик. Я сам провожу ее сиятельство...

– Не стоит, мой друг, – безапелляционно прервала его графиня. – Я полагаю, у вас и без того много дел. Прошу прощения, что отняла у вас столько времени.

Когда за величественно вышедшей из кабинета Блудовой закрылась дверь, генерал озадаченно переглянулся со своим адъютантом. Фадеев был уже стар и понимал, что скоро ему придется уступить место более молодым. Однако же и покидать службу он вовсе не собирался. Для таких, как он, в империи было заведено немало синекур, служба в которых была необременительной, но давала известное положение в обществе, не говоря уж о генеральском жалованье. Хорошо бы, конечно, войти в Государственный Совет или Сенат, но туда и без него много желающих. Но есть еще и Александровский комитет о раненых<sup>19</sup>, и вот тут мнение графини Блудовой может иметь большой вес. Так что ссориться с ней – себе дороже.

– Вы что-нибудь понимаете? – озабоченно спросил генерал.

Поручик в ответ хотел было недоуменно пожать плечами, но тут на его холеном лице мелькнула тень озарения.

– Черт возьми! – воскликнул он и едва не хлопнул себя по ляжке.

– О чем вы?!

– Да ведь это тот самый Будищев, о котором писали газеты!

– Газеты?

– Ну да. Внебрачный сын графа Блудова! Господи, как же я мог забыть...

– Погодите, я, кажется, тоже что-то припоминаю. Причем связанное с артиллерией.

– Ну как же, он ведь был еще прикомандирован к батарее Мешетича и отличился в бою при...

– Как Мешетича? Этого самого Мешетича?

– Ну да, представителя Главного штаба на испытаниях.

– Разбойник! Негодяй! Без ножа зарезал!

Если на появление госпожи Барановской в госпитале тамошнее начальство обратило весьма мало внимания, дескать, желает барынька раненых солдатиков навестить – так исполать ей, то приезд камер-фрейлины императрицы не оставил равнодушным никого. Все случившиеся на месте чиновники забегали как ошпаренные кипятком и, расточая улыбки, старались всячески услужить придворной даме. Как Антонина Дмитриевна ни старалась, но сдержать их рвение у нее не получилось, и в палату она вошла, окруженная весьма значительной свитой.

Будищев в это время стоял у окна и занимался крайне важным делом – штопал свою форму. Рассказывая Барановским о своем ранении, он, в общем, не погрешил против истины, хотя и не сказал всей правды. Его действительно легко ранило осколком жестяной гильзы, но, скажем так, пострадала при этом не только спина. Именно поэтому ему было трудно сидеть, а кроме того, нужно было зашить не только мундир, но и шаровары. Слава богу, хоть подштанники в госпитале дали целые.

---

<sup>18</sup> Томилова Ольга Александровна, урожденная Энгельгард – начальница Смольного института благородных девиц.

<sup>19</sup> Александровский комитет о раненых – благотворительное учреждение в Российской империи для оказания помощи военным служащим инвалидам, а также семьям погибших и умерших от ран. А. А. Фадеев стал членом попечительского совета комитета в 1884 году.



– Крепко тебя задело, пехоцкий? – с ехидным любопытством спросил один из раненых канониров.

– Жить буду, – коротко отозвался Дмитрий, не отрываясь от дела.

– Ничего нужного не повредило?

– С какой целью интересуешься? – повернулся к нему унтер.

– Да я так, – пошел на попятный зубоскал. – Просто спросил.

– Ну-ну, а то, может, ты по этому делу? Смотри, за такое – под суд недолго загреметь.

– Да ну тебя!

– Не «тебя», а «вас», – усмехнулся Будищев. – И не забудь добавлять – «господин унтер», а то, я смотрю, вы тут в артиллерии совсем нюх потеряли, вместе с совестью.

– Виноват, – вытянулся на всякий случай солдат.

– Господин унтер, – подал голос второй раненый, которого звали Архипом. – А ты правда генерала турецкого подстрелил?

– Угу, – отозвался Дмитрий. – Два раза минимум.

– Это как?

– Да хрен их разберешь, в каком чине эти басурмане. Я этих самых турецких благородий много на тот свет отправил. Всех и не упомнишь.

– Ну и как?

– Что как?

– Как оно – офицера-то подстрелить?

Ответить унтер не успел, поскольку отворилась дверь и в палату ввалилась целая толпа народа во главе с богато одетой пожилой женщиной. Один из чиновников, увидав непрезентабельный вид Будищева, зашикал на него:

– Что же ты, братец, в таком непотребном неглиже стоишь?! Позоришь нас перед их сиятельством!

– Полно! – строго прервала его служебное рвение придворная дама и начала внимательно рассматривать поспешно запахнувшего халат раненого.

Некоторое время они играли в гляделки, пока Блудова не пришла к какому-то выводу и не обернулась к главному врачу госпиталя:

– Мне надобно поговорить с вашим пациентом. Где это можно сделать?

– В моем кабинете, – растерялся тот. – Если вам будет угодно...

– Угодно, – кивнула та и, поманив за собой унтера, вышла.

– Вас зовут Дмитрий Будищев? – спросила графиня, как только они остались одни.

– Точно так, – удивленно пожал плечами молодой человек. – Простите, а вы...

– Антонина Дмитриевна, – представилась дама, но не стала называть ни титула, ни фамилии.

– Очень приятно, – Дмитрий попытался вести себя вежливо, отчего чувствовал себя не в своей тарелке. – Вы что-то хотели?

– А вы совсем не похожи на Вадима, – непонятно что имея в виду, заметила Блудова. – Точнее, чертами лица похожи, но вот... вашей внутренней силы в нем никогда и половины не было.

Будищев в ответ лишь пожал плечами, но не стал комментировать столь странное заявление.

– Вы верите в Бога? – продолжила расспрашивать его странная дама.

– Верую в единого Отца... – начал было тарабанить «Символ веры» унтер, но графиня прервала его:

– Я вас не о том спрашиваю. Я хочу знать – веруете ли вы?

Дмитрий на секунду задумался. Непонятно почему, но ему не хотелось обманывать эту странную старушку, хотя он был мастером на такие дела. Надо сказать, что ни в Бога, ни в

черта, ни вообще во что-то сверхъестественное он не верил, по крайней мере – до того, как оказался в прошлом. Но провалившись во времени и побывав на войне, начал на многие вещи смотреть иначе.

– Я не верю, я – знаю, – убежденно, но при этом максимально двусмысленно ответил он.

– Я тоже знаю, – покивала Антонина Дмитриевна. – Скажите, вы ведь накрыли собой офицера, спасая его от взрыва...

– Инженера.

– Что?

– Я говорю, ваше сиятельство, что спасал инженера Барановского. Прапорщик просто под руку попался.

– Вы так хорошо относитесь к этому... господину Барановскому, что рискнули жизнью ради него?

– Он ко мне отнесся по-человечески, – пожал плечами Дмитрий. – И я к нему тоже.

– По-человечески? – переспросила придворная.

– Да, как к человеку, а не как к скотине.

– Кажется, я вас понимаю... Скажите, у вас есть какие-то просьбы или пожелания?

– Нет, ваше сиятельство. Хотя...

– Что?

– Передайте Вадиму Дмитриевичу, что я ни на что не претендую и ничего от него не хочу. И вообще, извиняюсь за беспокойство.

– Вы догадались, кто я?

– Не бог ведь какая загадка.

– А вы умны и не чужды благородства...

– Уж какой есть.

– Ну, хорошо. Мне теперь пора, но я буду навещать вас.

– Зачем вам это?

– Вы против?

– Да нет. Приезжайте. Только рана у меня легкая, и долго я здесь не пролежу, – еще раз пожал плечами Дмитрий, но тут же, чертыхнувшись про себя, добавил: – Если, конечно, прежние не откроются.

– Вы были ранены?

– Ну да, на войне. Должны были комиссовать, но что-то крутят.

– Хотите, я справлюсь у врачей, в чем дело?

– Если вам не трудно.

– Нисколько.

– Но вы так и не сказали, зачем вам это?

– У меня не так много племянников, – улыбнулась графиня. – Особенно родных<sup>20</sup>.

Вернувшуюся домой Антонину Дмитриевну встретил брат. Заметив странное выражение на лице сестры, Вадим Дмитриевич попытался расспросить ее, но та отмалчивалась, лишь иногда загадочно улыбаясь в ответ на недоуменные вопросы брата. А когда тот понял, что ничего не добьется и сдался, неожиданно сказала:

– Знаешь, Вадик, у тебя очень хороший сын!

Будищев не ошибся. Долго его действительно держать не стали, выписав, как только затянулись раны на спине. Три чиновника с тухлыми лицами, составившие комиссию, безглаголиво

---

<sup>20</sup> Антонина Дмитриевна Блудова – последняя в роду графов Блудовых. Единственными ее племянниками были дети двоюродной сестры – Елизаветы Васильевны, вышедшей замуж за Александра Александровича Андре. Их потомство носило фамилию Блудовы-Андре.

морщась, осмотрели его крепкое тело и вынесли вердикт – годен в военное время, отправив, таким образом, в запас. Ни слушать, ни расспрашивать о самочувствии нижнего чина они и не подумали, но единодушно расписались в принятом решении в документах, и из госпиталя он вышел уже свободным человеком. Лежавшие с ним артиллеристы уже устали удивляться странному унтеру, и лишь начинавший выздоравливать Архип, болезненно морщась, сказал на прощание:

- Фартовый ты парень, пехоцкий!
- Есть немного, – хмыкнул Дмитрий, застегивая мундир.
- Барыни к тебе ездют, – подхватил второй солдат.
- Кабы барышни – другое дело, а так что же, – с легким смешком отозвался Будищев.
- Дак попросил бы хоть на штоф полугара, нешто отказали бы?
- Нельзя!
- Чего это – нельзя?
- Знаешь, – задумчиво сказал парень, – я в одной книжке когда-то прочитал, что нельзя

ничего просить у тех, кто сильнее. Нужно будет – сами предложат.

- Ты, господин унтер, еще и книжки читал?
- Было дело. Маловато, правда, и все больше детективы всякие, но кто знал, что жизнь

так обернется!

- Про что хоть книжка?
- Про Иисуса из Назарета.
- Акафист<sup>21</sup>, что ли?
- Типа того. «Мастер и Маргарита» назывался.
- Ишь ты!
- Ладно, мужики, бывайте. Не поминайте лихом, если что.

У госпитального крыльца его уже ждала пролетка, в которой сидел донельзя довольный Барановский. Увидев выходящего Будищева, он не погнушался выйти ему навстречу и, крепко пожав руку, помог сесть в экипаж.

- Рад вас видеть, Дмитрий.
- Взаимно, Владимир Степанович.
- Ну и как вы себя ощущаете демобилизованным?
- А вы откуда знаете?
- Как вы мне тогда сказали? – засмеялся инженер. – Не задавайте неудобных вопросов, не получите уклончивых ответов!

- Подмазали эскулапов?
- И не только их.
- Н-да, мне теперь с вами до гроба не расплатиться!
- Прекратите, Дмитрий. Я вам жизнью обязан. К тому же вы, похоже, поделились своей удачей со мной.

- В смысле?
- Вы не поверите, но все мои недоразумения с казной каким-то невероятным образом разрешились. Начет снят, протоколы испытаний подписаны... я просто не знаю, что и сказать!
- Скажите: «Хрен с ним!»
- Как?
- Очень просто. Поднимите руку, потом резко опустите и...
- Боже правый, вы невероятны! – чуть не выпал от смеха из коляски Барановский.
- Кстати, куда мы едем?

---

<sup>21</sup> Акафист – церковный гимн. Обычно издавался в виде небольших книжек. Самый известный – «Акафист Божьей матери».

- Ко мне домой. Паулина Антоновна ждет нас к обеду. Как хотите, но отказа я не приму.
- И в мыслях не было. Просто нельзя ли сначала домой? Хотя бы помыться и переодеться.
- А зачем? Вы прекрасно выглядите в своем мундире и с крестами.
- И с заплатками на шароварах!

Однако переполненный положительными эмоциями Барановский, и не подумав его слушать, потащил к себе. Квартиру инженер снимал в большом доходном доме в Сампсониевском проспекте<sup>22</sup>. Швейцар, грудь которого украшало несколько медалей, не без удивления посмотрел на прибывшего с барином унтера, однако скользнув взглядом по крестам, лишь высоко поднял брови. Поднявшись в парадное, они скоро оказались перед украшенной резьбой дверью, в которую хозяин решительно постучал.

– Надо бы звонок поставить, – как бы извиняясь, сказал он своему спутнику. – Но все как-то недосуг.

- Электрический?
- Господь с вами, откуда же взять такую диковину!
- Напомните мне, как на фабрике будем. Сделаем.

Дверь открылась, и на пороге появилась горничная в накрахмаленном переднике и чепце.

– Здравствуйте, Владимир Степанович, – сделала она книксен и приняла у него шляпу и трость.

- Проходите, Дмитрий, не стесняйтесь. Это наша Глашенька, отдайте свое кепи ей.

Будищев внимательно осмотрел пышную фигуру прислуги и с легкой улыбкой протянул ей свой головной убор. Та недоуменно посмотрела на странного гостя, но возражать не посмела.

– Глаша, покажите, где у нас ванная комната, господину Будищеву надобно привести себя в порядок.

– Пожалуйте, – посторонилась она, и когда унтер прошел мимо, брезгливо сморщила носик от въевшегося в форму больничного запаха.

Сказать, что ванна была шикарна – не сказать ничего. Огромная, так что довольно рослый Дмитрий мог бы запросто в ней утонуть, опирающаяся на пол львиными лапами, она стояла посреди комнаты, в которой можно было запросто устроить гостиную. Стоящий в углу пышущий жаром титан намекал, что с горячей водой проблем нет. Пол и стены были выложены молочно-белой плиткой, а у умывальника было вделано большое овальное зеркало.

– Ты хоть пользоваться-то сумеешь? – с легким пренебрежением в голосе спросила горничная, не ставшая церемониться с нижним чином в отсутствие хозяина.

- Хочешь спинку потереть? – тут же отреагировал тот.
- Вот еще! – презрительно фыркнула Глаша и величественно выплыла из комнаты.
- Знойная женщина – мечта поэта! – ухмыльнулся ей вслед Дмитрий.

Не успел он разобраться с кранами, «знойная женщина» появилась вновь с полотенцами и парой нового белья, вероятно, пожертвованного Барановским.

- На-ка вот, переоденешься. И не забудь занавеску задернуть, а то мало ли...

– Спасибо, красавица. А ты всегда такая сердитая?

– Я, чай, в хорошем доме служу, и потому никакого баловства не позволяю! – с достоинством ответила девушка.

– Это правильно! – с готовностью поддержал ее Дмитрий. – Я вот тоже человек до крайности серьезный и положительный.

– Уж я вижу, – скривила губы горничная. – Поторапливайся лучше. Скоро на стол подавать, а господа сказали, что без тебя не сядут. Рубаху свою с портами в угол кинешь, я прачкам отдам.

---

<sup>22</sup> Проспект назван по имени Сампсониевского собора, построенного в честь победы в Полтавской битве, произошедшей в день поминовения святого Сампсония Странноприимца.

Молодой человек не без сожаления во взгляде проводил глазами Глашу и коротко вздохнул. Как и абсолютное большинство представительниц женского пола в эти времена, она слыхом не слыхивала о фитнесе, диетах и тому подобных глупостях, но от ее пышной фигуры так и веяло здоровьем и какой-то первобытной красотой. Щеки ее были румяны и без косметики, соболиные брови сроду никто не выщипывал, а густые темно-каштановые волосы и не подозревали, что на свете существует перхоть.

– Эхма, кабы денег тьма – купил бы деревеньку да девок любил помаленьку! – хмыкнул Дмитрий, а потом, прислушавшись к организму, вздохнул. – А воду, походу, надо было холодную набирать!

Приведя себя в относительный порядок, он вышел из ванной комнаты и едва не налетел на стойко ожидающую его служанку. Та, ни слова не говоря, сделала ему знак идти за собой и решительно направилась по коридору. С тылу фигура девушки была ничуть не менее примечательна, и наблюдать за тем, как она движется, было довольно занимательно. К несчастью, путь их скоро закончился, и засмотревшийся на соблазнительно двигавшуюся Глашу Дмитрий оказался в просторной гостиной, где собралась семья изобретателя, во главе со своим патриархом – профессором Степаном Ивановичем Барановским.

– Здравствуй, молодой человек, – приветливо обратился тот к немного растерявшемуся Будищеву. – Весьма рад знакомству. Мой сын мне о вас рассказывал много лестного.

– Взаимно, – только и смог ответить Дмитрий, отвечая на крепкое рукопожатие.

– Ну-ну, не тушуйтесь, – правильно понял его состояние профессор. – Мы люди простые и не кусаемся! С моим племянником Петром вы, я так понимаю, знакомы. С невесткой Паулиной Антоновной и ее детьми – тоже. Мои младшие сыновья заняты службой и не смогли присутствовать, но с ними вы познакомитесь в другой раз. А теперь нам нужно с вами поговорить. Где бы это...

– Пойдемте ко мне в кабинет, – предложил внимательно прислушивающийся к их разговору Владимир Степанович.

Мужчины извинились перед дамами и вышли. Кабинет инженера-изобретателя Барановского носил на себе отпечаток его мятущейся и беспокойной натуры. С одной стороны, он был совершенно обычен. Посреди большой стол, рядом бюро и секретер. Стен не видно из-за книжных шкафов, причем литература – в основном техническая, немецкие, французские издания, реже – английская и русская. Но в углу стояла чертежная доска с неоконченным наброском какого-то механизма. На полках, помимо книг, стояли модели пушек, необычного вида паровоз и непонятная модель, тем не менее показавшаяся бывшему унтеру знакомой.

– Вы знаете, что это такое? – живо спросил профессор, заметив любопытствующий взгляд Будищева.

– Наверное, подводная лодка, – пожал плечами Дмитрий. – Только странная какая-то.

– Великолепно! – восхитился Степан Иванович. – А как же должна, по-вашему, выглядеть «не странная» подводная лодка?

– Ну, не знаю. Перископа, наверное, не хватает.

– Что, простите?

– Ну, такой трубы, которую можно поднять из подводного положения и осмотреться. Пока на какую-нибудь хрень не налетели. Еще хорошо бы рубку повыше, а то зальет первой же волной.

– Любопытно! – заинтересовался Барановский-старший, от волнения не обратив внимания на простонародное словечко, вырвавшееся у их гостя. – А изобразить ваши идеи, так сказать, графически вы сможете?

Хотя умение рисовать никогда не было сильной стороной Будищева, кое-чему на уроках черчения он все же научился. А в библиотеке техникума, где он учился до армии, помимо

всего прочего, были шикарные подшивки «Техника – молодежи» и других научно-популярных изданий.

– Можно попробовать, – пожал плечами отставной унтер-офицер и решительно снял с чертежной доски ватман с неоконченной работой.

Затем выбрал из стоящего подле стакана с острозаточенными карандашами один и уверенной рукой принялся наносить на девственную белизну листа четкие линии, сплетающиеся в самый настоящий эскиз. Толпящиеся рядом члены семьи Барановских были людьми творческими, а потому следили за работой Дмитрия с неподдельной заинтересованностью. Несмотря на раздражавшее их любопытство, ни один из них не стал прерывать молодого человека, пока тот не закончил, и лишь после этого раздался сакраментальный вопрос:

– Что это?

– Значит, так, – начал объяснения Будищев. – Это примерная схема подводной лодки. В центре – прочный корпус. Он сделан так, чтобы выдерживать максимальное давление. Вокруг него – легкий корпус, его предназначение – обеспечивать лодке аэродинамику.

– Вероятно, все-таки гидродинамику, – машинально поправил его Владимир Степанович.

– Ваша правда! – ничуть не смутился георгиевский кавалер и продолжил объяснения: – Прочный корпус разделен водонепроницаемыми переборками на изолированные отсеки. Отдельные для механизмов, людей и вооружения.

– А вот тут...

– Цистерны балласта.

– А это что за трубы?

– Это трубы торпедных аппаратов в боевом отсеке.

– Каких аппаратов? – удивился Степан Иванович.

– Ну, для стрельбы торпедами.

– Вероятно, наш друг имеет в виду самодвижущиеся мины Уайтхеда, – пришел на помощь своему гальванеру Петр Викторович.

– Иван Федорович<sup>23</sup> именно так предлагал назвать самодвижущуюся мину, – задумчиво пробормотал Барановский-старший. – «Торпедо»... но вы говорите так, будто такие аппараты уже есть.

– А что, еще нет? – широко улыбнулся в ответ Будищев. – Ну, так будете патентовать, про меня не забудьте!

– Но как их запускать, ведь вода проникнет внутрь подводного судна? – попытался вернуться к теме Владимир.

– Вот тут крышка и вот тут крышка. Плюс устройство, не позволяющее им открываться одновременно.

– Гениально! – не удержался от восхищенного возгласа изобретатель.

– И все это – всего лишь за двадцать пять рублей в месяц, – горестно вздохнул Дмитрий.

Увы, пришедшие в возбуждение господина предпочли не расслышать намек, а возможно, просто не сочли подобное жалованье неподобающим для гения и продолжили бурное обсуждение. Тем временем отошедший в сторону Будищев продолжил осмотр. В угловом шкафу за стеклом стояла винтовка, немедля привлечшая его внимание. Судя по всему, перезаряжалась она с помощью скобы Генри, как английские винтовки системы Пибоди. Дмитрий хорошо знал эту систему, поскольку именно с таким оружием воевал на Балканах, захватив его в качестве трофея. Но все же, несмотря на сходство, были и довольно существенные отличия.

– Вы, как я погляжу, не только митральезы и пушки конструируете? – поинтересовался он у хозяина кабинета.

---

<sup>23</sup> Имеется в виду Иван Федорович Александровский, вместе с которым Барановские работали над созданием подводной лодки.

– Пустое, – отмахнулся Владимир Степанович. – Подавал этот образец для участия в конкурсе, но, несмотря ни на что, приняли все равно Бердана с усовершенствованиями Горлова и Гуниуса.

– Бывает, – хмыкнул унтер и, вернувшись к Барановским, спросил: – Кстати, а что за двигатель был у вашего «Наутилуса»?

– Пневматический, – тут же ответил фабрикант, бросив быстрый взгляд на кузена.

– Какой?! – округлил глаза Будищев, и на лице его отразилась сложная гамма чувств – от изумления до неприкрытого скепсиса.

– Пневматический, – повторили ему и принялись, перебивая друг друга, объяснять принцип действия и достоинства пневматических механизмов.

– Это значит, когда подводная лодка будет подходить к противнику, ее будут выдавать тысячи воздушных пузырьков?

Такого довода Барановские, бывшие все как один энтузиастами пневматики, не ожидали и крепко призадумались. С одной стороны, пренебрежение к пневматике показалось им ересью, а с другой – крыть было нечем. Выручило всех появление Паулины Антоновны.

– Господа, не угодно ли вам сделать перерыв и отобедать? – спросила она, заглянув в кабинет.

Владимир Степанович с готовностью поддержал столь своевременное предложение.

– Действительно, пойдете – поедим, а после вернемся к обсуждению нашего проекта.

– С удовольствием! – отозвался Петр Викторович.

За большим овальным столом Будищеву отвели почетное место между Степаном Ивановичем и его сыном – Владимиром. Остальные, включая детей, группировались вокруг них. Паулина Антоновна, как радушная хозяйка, потчевала собравшихся изделиями своей кухни – в том смысле, что она нахваливала, а Глаша разносила блюда, приготовленные кухаркой. Последняя, впрочем, свое дело знала, и обед вышел на славу.

Все это время Дмитрий держался непринужденно, ел, что давали, не забывая нахваливать, выслушивал тосты в честь спасителя хозяина дома с похвальной скромностью. От горячительных напитков не отказывался, но и не напрашивался. Некоторое затруднение вызвал выбор столовых приборов, но он справился. Во всяком случае, вилок в щи и ложкой в рыбу не тыкал. Вообще, было видно, что ножом и вилок молодой человек пользоваться умеет, хотя и не имел в последнее время практики.

Разговор за обедом шел о литературе, театре, а также прошедшей войне, но, памятуя о сидевших рядом с ними детях, взрослые старались не затрагивать совсем уж серьезных тем. Правда, как только речь зашла о войне, Володя встрепенулся, и со всем своим гимназическим пылом принялся расспрашивать о сражениях, в которых довелось участвовать Будищеву. Мать даже хотела сделать ему замечание, но Дмитрий, нимало не смущаясь, рассказал пару забавных случаев, приключившихся с ним на Балканах, заставив всех собравшихся смеяться.

Вообще, в его изложении прошедшая война была делом исключительно веселым и нисколько не опасным. И лишь иногда выражение лица его неумовимо изменялось, глаза становились строгими и безжалостными, как будто он в кого-то целился. Но проходило несколько секунд, и отставной унтер снова принимался шутить. Отчего Володенька с Машенькой хохотали во все горло, взрослые сдержанно посмеивались, а Глаша, подававшая им перемены блюд с такой грацией, как будто прислуживала при дворе, хихикала, прикрыв рот кружевным платком.

– Ну, хватит! – решительно прекратила балаган Паулина Антоновна и обратилась к сыну: – За то, что ты не давал нашему гостю ни минуты покоя, тебе, друг мой, придется отплатить ему той же любезностью. Изволь принести мандолину и что-нибудь сыграть.

– Хорошо, матушка, – с глубоким вздохом ответил гимназист и поплелся в детскую за инструментом.

– Глашенька, чай с десертом подашь нам в гостиную! – приказала хозяйка горничной, и все дружно устремились на выход.

На десерт у Барановских были самые настоящие эклеры, а свежесваренный кяхтинский<sup>24</sup> чай на вкус оказался просто восхитительным. Все это было под аккомпанемент мандолины, причем Будищев внимал игре мальчика с таким восхищением, будто перед ним играл сам Паганини. Володя даже несколько раз сбился с такта, но Дмитрий продолжал слушать со всем вниманием и даже похлопал совсем смутившемся музыканту.

– Браво! Я думаю, молодой человек вполне заслужил пару пирожных.

Возражений не последовало, и мальчик, отложив свой инструмент, немедленно напихал себе полный рот сладостей.

– А вы умеете играть? – неожиданно спросила Машенька, уже покончившая со своей долей.

– А как же, – невозмутимо тот отвечал ей и взялся за инструмент, сразу обратив на себя еще большее внимание собравшихся.

– Просим-просим, – не без удивления в голосе отозвался Владимир Степанович и даже подвинул свое кресло поближе.

– «Шаги по кладбищу»! – объявил название своего произведения самопровозглашенный музыкант.

И пока присутствующие переваривали столь странное для пьесы наименование, он начал размеренно стучать по деке пальцем, изображая неторопливую походку. Общее недоумение на лицах Барановских послужило наградой исполнителю, но вдруг он, резко захватив ногтями двух пальцев струну, довольно верно изобразил скрип отдираемой доски. И тут же исполнитель застучал по деке быстрее, как будто только что вальяжно шедший человек бросился наутек. Ошарашенные зрители какое-то время молчали, а потом разразились просто гомерическим хохотом. Причем на этот раз рассмеялась даже обычно невозмутимая горничная.

– Это невероятно! – вытирая выступившие от смеха слезы, проговорил Владимир Степанович. – Может, вы еще и поете?

– У меня ужасный голос, – попробовал было отказаться Дмитрий, но его не послушали и дружно попросили исполнить что-нибудь еще.

Делать было нечего, но молодой человек не собирался сдаваться. Петь и играть на музыкальных инструментах он действительно не умел и вообще не имел слуха. Однако в своей прошлой жизни он видел и слышал немало концертных номеров, где умение петь было совсем не главным. Перевернув мандолину, он принялся отстукивать себе ритм и запел неожиданно гнусавым голосом:

– Приходи ко мне, Глафира, сядем вместе – посидим, приноси кусочек сыра, мы вдвоем его съедим!

Зрители, никогда прежде не слышавшие дуэт «Иваси»<sup>25</sup>, до появления которого было еще более ста лет, приняли новый номер весьма благожелательно. Разве что у Глаши улыбка начала медленно сползать с лица, уступая место сначала растерянности, а затем возмущению.

– Буду ждать желанной встречи я у двери наचेку. Приходи ко мне под вечер, посидим – попьем чайку!

– Вот паразит! – охнула красная от возмущения горничная.

Тут Дмитрий от гнусавого дисканта перешел к не менее противному басу:

---

<sup>24</sup> *Кяхта* – город на российско-китайской границе. Ввезенный через него китайский чай назывался «кахтинским».

<sup>25</sup> «Иваси» – бардовский дуэт Алексея Иващенко и Георгия Васильева, одну из песен которого вспомнил главный герой.



Лучше быть сытым, чем голодным,  
Лучше жить в мире, чем в злобе!  
Лучше быть нужным, чем свободным!  
Это я знаю по себе!

Дальнейший текст Будищев не запомнил, да и надобности в этом не было. Пошедшая пятнами горничная выбежала из гостиной вон, сопровождаемая взрывами хохота.

Барон Штиглиц с непроницаемым лицом рассматривал лежащие перед ним массивные золотые часы. Помощник сделал все, как он просил, выбрал подороже и повнушительнее. Гравер нанес приличествующую случаю надпись. Нижний чин, оказавший столь важную услугу главному банкиру России, наверняка должен стать счастливым от такого знака внимания. Казалось, все сделано правильно, но обстоятельства неведомым образом переменялись.

– Папа, о чем ты думаешь? – спросил сидевший напротив Людвиг.

– Так, – неопределенно пожал плечами банкир и ласково посмотрел на сына.

Сказать, что барон любил сына – значило не сказать ничего! Он его обожал, боготворил, потакал ему во всем. А тот на радость отцу рос умным и красивым мальчиком. Дело в том, что он родился, когда Штиглицы уже потеряли надежду иметь наследников. Их единственный ребенок – тоже Людвиг – умер в младенчестве, и супружеская чета усыновила подкидыша. Маленькая девочка была найдена в их саду в корзинке с роскошными пеленками и запиской, что крещена по православному обряду – Надеждой.

Злые языки утверждали, что это внебрачная дочь брата императора – великого князя Михаила Павловича, и придворный банкир таким образом помогает прикрыть грех одного из своих главных клиентов. Другие, еще более злые языки поговаривали, что маленькая Надежда Июнева – такую фамилию дали малышке – внебрачная дочь самого Александра Людвиговича. Так это или нет – с определенностью не мог сказать никто. Сам барон, разумеется, молчал, а остальные ничего наверняка не знали. Во всяком случае, Штиглицы растили ее как свою собственную дочь, и Господь вознаградил их.

В год отмены крепостного права Каролина Логиновна (жена Штиглица) почувствовала себя непраздной. Это было настолько невероятно, что супруги сначала не поверили, затем тайлись, как будто боясь сглазить, а потому не приглашали врачей и вообще никак не оглашали это обстоятельство. Правда, шила в мешке не утаишь, и в обществе поползли слухи о грядущих переменах в семье банкиров. Наконец, в положенный срок пожилая уже роженица решилась от бремени, и счастливому отцу подали маленького сморщенного человечка, оглашающего окрестности тонким писком. Казалось, счастьем его не будет конца, но через несколько минут ему подали еще одного ребенка, а затем Каролина Логиновна вздрогнула, широко раскрыла глаза и испустила свой последний вздох, выполнив, ценою жизни, свое женское предназначение в этом мире.

Людвиг и Люсия были похожи друг на друга, как только могут быть похожи брат и сестра, а близки – как это бывает только с близнецами. Но если сына старый банкир любил и всячески баловал, то дочку, похоже, считал причиной смерти своей обожаемой супруги и... просто не обращал на нее внимания. Она, разумеется, не голодала и не ходила в обносках, как Золушка, но вся нерастраченная отцом нежность доставалась ее старшему брату. Старшему на семь минут.

– Скажи, Людвиг, как тебе показался этот солдат?

– Какой солдат?

– Тот, что тебя спас.

– А, унтер-офицер Будищев... а почему ты спрашиваешь?

– Людвиг, я задал тебе вопрос.

– Прости, папа. Но я правда не понимаю, что ты хочешь узнать. Унтер как унтер. Георгиевский кавалер. Хотя, конечно, есть в нем некая странность...

– Продолжай, пожалуйста, – поощрил сына старый банкир.

– Он не боялся меня.

– Что?!

– Ну, понимаешь, все нижние чины, когда видят офицера, особенно незнакомого, тут же замыкаются в себе, как улитки, прячущиеся в своих раковинах, поскольку не знают, что от нас можно ожидать. Мне, право, неловко в этом признаваться, но солдаты в нашей армии боятся своих офицеров, и, к сожалению, у них есть на это причины.

– А он, выходит, не боялся?

– Нет. Может быть, он слишком много пережил за прошедшую войну, а может, от природы таков, но он смотрел на меня, как на...

– Равного?

– Нет, папа. Как на пустое место. Как будто он лучше понимал, что и как делать в той ситуации. Нет, не подумай, он вел себя в полном соответствии с уставом, но глядя на него, я ясно понимал, что он – ветеран, а я – желторотый юнец. Наверное, так.

– Жаль, что ты не захотел стать банкиром.

– Папа, мы уже не раз говорили об этом!

– О, Людвиг, я вовсе не порицаю твой выбор! Просто ты умеешь разбираться в людях, а это очень важно в нашей профессии. Не менее важно, чем хорошо считать. Впрочем, считать ты тоже умеешь хорошо. Не зря ведь ты окончил Михайловское училище по первому разряду, да еще и на год раньше своих сверстников.

– Папа!

– Хорошо-хорошо, больше не буду.

– Эти часы для Будищева?

– Да, но, кажется, мой помощник слегка ошибся фирмой. Надо было брать «Брегет».

– Нижнему чину?

– Побочному сыну графа Блудова. Причем – единственному сыну.

– Ты с доверием относишься к этой басне?

– Ах, Людвиг! Совершенно не важно, как к этой истории отношусь я. Важно, как к ней относятся государь-император, наследник-цесаревич и... графиня Антонина Дмитриевна Блудова.

– А сам граф Блудов?

– Это тоже важно, но в меньшей степени.

– Знаешь, отец, он необычный человек, но не похож на аристократа. А для бастарда – и такие часы недурны.

– Ты думаешь?

– Тебе решать.

– Вот именно. Ты что-то хотел спросить?

– Да, – молодой человек немного помялся. – Отчего Люси сразу не сообщили о том, что со мной все в порядке?

Лицо банкира в какое-то мгновение из живого и участливого превратилось в бездушную маску. Глаза стали ледяными, а только что улыбавшиеся губы вытянулись в тонкую нитку.

– Людвиг, мне надобно еще поработать. Я тебя больше не задерживаю.

– Хорошо, папа.

Юноша нервно поднялся и, машинально застегивая верхнюю пуговицу своего новенького мундира, двинулся к выходу. Ему было крайне неприятно такое отношение отца к любимой сестре, но ничего поделать с этим было невозможно. Стоило ему только завести разговор о ней, как тот делался глухим. Однако на этот раз что-то сдвинулось с мертвой точки, и, может

быть, впервые за много лет в суровой душе банкира шевельнулись глубоко загнанные прежде чувства. И, проводив сына глазами, барон дрогнувшим голосом сказал:

– Я так растерялся, когда получил эти известия, что совсем забыл. Прости.

Аким Степанович отложил в сторону ложку и с благодарностью посмотрел на сидящую напротив дочь. Стеша почувствовала его взгляд и подняла на старика озорные глаза.

– Еще подлить, батюшка?

– Да нет, что ты, – отозвался отец. – Наелся уже. Хотя щи у тебя знатные. Жирные да наваристые.

– Когда есть с чего варить, так отчего же им жирными не быть?

– Это верно, – захрюхтел машинист. – Слава богу, живем мы не скудно... эх, совсем большая ты у меня уже стала. Невеста!

– Скажете тоже, невеста, – засмеялась девушка. – Женихов только не видать. Один Семка, да и тот, почитай, неделю носа не кажет.

– Это пока, – продолжал гнуть свою линию Филиппов. – А вот просватают, так и улетишь со двора, а я один тут бедовать останусь!

– Полно вам, батюшка. Никуда я от вас не уйду! Даже если и просватают, станем все вместе жить. Места, я чаю, хватит.

– Дай-то Бог.

На некоторое время они замолчали. Стеша разливала чай, а отец колотил ножом сахар. Чай они пили, можно сказать, по-господски. Большие граненые стаканы покоились в массивных металлических подстаканниках с вычеканенными на них изображениями тройки лошадей, запряженной в сани. Как они появились в их семье, было неясно. Отец на расспросы односложно отвечал, дескать, приданое матери. Откуда у ее матушки могли в приданом взяться такие добротные вещи, девушка не знала, да, по совести говоря, и не слишком-то задумывалась над такими вопросами. Есть, да и есть. Чай пить с них удобно, а еще красиво.

Наконец, все было готово, и Филипповы приступили к чаепитию. Глава семейства, закинув за щеку кусочек сахара, шумно отхлебывал из своего стакана и, блаженно щурясь, процеживал ароматную жидкость сквозь редкие уже зубы. Дочка, напротив, быстро разгрызла свою долю и с мечтательной улыбкой наслаждалась разлившейся во рту сладостью, и не думая смыть ее вкус чаем. Невольно вспомнился их неожиданно-негаданно появившийся, а затем пропавший постоялец, угостивший ее с Семкой диковинной сладостью с чудным названием – рахат-лукум.

– Батюшка, а куда Дмитрий делся? – неожиданно спросила она чуть не поперхнувшегося от такого вопроса отца.

– А ты чего это за него вспомнила? – подозрительно спросил Аким, отставив в сторону чай.

– Да так, – пожала плечами Стеша. – Был человек, и нету...

Старый мастер чертыхнулся про себя, мол, зачем я этого обормота в дом пустил, у дочки только и мыслей теперь! Но вслух нехотя ответил:

– С их благородием Владимиром Степановичем на полигон поехал, да и поранился там.

– Сильно? – ахнула Стеша.

– Не очень, – скривился Аким Степанович. – Сказано – бестолковый!

Но не успел он договорить, как на улице стукнула калитка, затем послышались шаги в сенях, затем скрипнула дверь, и на пороге появился тот, о ком они только что говорили.

– Привет честной компании! – весело поприветствовал их вошедший Будищев.

– Вспомни черта – он и появится, – пробухтел вполголоса старик, но его, слава богу, никто не расслышал.

– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, – подхватила девушка. – Как раз к ужину, садитесь, не побрезгуйте!

– Спасибо, Стеша, – отозвался постоялец. – Только я сыт.

– Ну, хоть чайку.

– А вот от чая не откажусь! Тем более что у меня тут кое-что к чаю найдется...

С этими словами Дмитрий положил на стол сверток с медовыми пряниками, увидев которые младшая Филиппова только что не замурлыкала от радости.

– Налетай, сладенькая, – ухмыльнулся отставной унтер, подвигая лакомство к девушке.

– Ой, а что это у вас с мундиром? – округлила глаза Стеша, увидев грубо заштопанные дырки на спине Будищева.

– Что? – делано изумился парень. – А, вон ты про что! Это – моль проела. Слушай, ты себе не представляешь, какая там моль по госпиталю летает. Караул просто!

– А кровь на щеке?

– Где?! Ой, и правда. Это, наверное, кошка.

– Кошка?

– Ага, большая такая, но дикая. Зараза. Глафирой зовут. Ты ешь пряники. Хотел тебе эклеров принести, но они, гадство такое, кончились. Так что в другой раз!

Все это Будищев проговорил так быстро, что Филипповы слушали его открыв рот, не успевая понять, говорит он правду или же по привычке балагурит. Сам же постоялец деловито налил себе чаю, набросал туда сахару внакладку и, привычно побренчав ложкой, размешал и с удовольствием отхлебнул. Аким Степанович хотел было возмутиться такой бесцеремонностью, но, увидев, как дочка с аппетитом уплетает принесенные парнем пряники, только вздохнул.

Анна Виртанен с досадой отложила в сторону свою работу и прикрыла усталые глаза рукой. Работая дни и ночи напролет, она едва сводила концы с концами. Хватало только на оплату комнаты и самую немудрящую еду. Одежда ее давно износилась, и стоило большого труда поддерживать ее в порядке. Но иначе было нельзя, ведь кто сделает заказ портнихе в дурно сшитом или небрежно заштопанном платье? А тут еще клиент как сквозь землю провалился. Работа, вправду сказать, была невелика и больших прибылей не сулила, но в ее положении лишних денег не было. Слава богу, хоть задаток оставил, а то совсем худо пришлось бы.

За тонкой дверью слышались шаги, но вряд ли это был очередной клиент. Точнее, вряд ли это был очередной ее клиент. Совсем недалеко от нее в двух небольших комнатках проживала мадам Ряполова – профессиональная гадалка. К той частенько приходили разного рода подозрительные личности. Несчастные влюбленные, люди, оказавшиеся в стесненных обстоятельствах. И, наконец, мужчины и женщины, пытавшиеся вернуть какую-либо пропажу. Первых было легко узнать по безумному взгляду и поступкам, вторых выдавала одежда и поведение, а третьих – озабоченный вид. Мадам Ряполова была дамой опытной и говорливой; раскидывая для своих посетителей карты, она ухитрялась по малейшим нюансам поведения узнать суть дела, с которым к ней пришли, а затем с большим успехом использовала свои догадки.

Слава о ней шла по всему Петербургу, и в прежние времена она жила в гораздо более фешенебельном доме куда ближе к центру и богатым господам, однако пару лет назад с ней приключилась какая-то история, после чего гадалке пришлось срочно переехать. Правда, некоторые состоятельные клиенты у нее еще остались, но к тем она ездила на дом. Помимо основной своей профессии, сия достойная кисти Караваджо<sup>26</sup> дама занималась еще подборкой прислуги для состоятельных холостяков, или попросту говоря – сводничеством. А также принимала вещи под залог и давала небольшие ссуды в рост. Кроме того, так уж сложилось, что

---

<sup>26</sup> *Микеланджело Меризи да Караваджо* – итальянский художник конца XVI – начала XVII века. На одной из его картин цыганка, гадая молодому человеку, одновременно снимает у него с руки кольцо.

соседи ее немного побаивались. Неизвестно, была ли она действительно связана с потусторонними силами, но с людьми, конфликтующими с нею или просто не выказывающими должного почтения, частенько приключались разного рода неприятности. Кого в околоток заберут, кого обворуют, а кто просто на ровном месте споткнется.

Увы, все оказалось гораздо хуже. Гадалка пришла к ней.

– Мадам Виртанен, голубушка, – вкрадчивым голосом патентованной обманщицы начала та. – Что-то вы совсем про меня забыли...

– Добрый день, мадам Ряполова, – попыталась придать любезное выражение лицу портниха.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.